

АННА ФОРАЛЬБЕРГ

ДОМ НА ОБРАТНОЙ СТОРОНЕ

Анна Форальберг
Дом на обратной стороне

«Автор»

2026

Форальберг А.

Дом на обратной стороне / А. Форальберг — «Автор», 2026

В Лавере умеют расширять дома, складывая ненужные комнаты на обратную сторону города. Только иногда внутри остаются люди. Когда у пожилой швеи исчезает комната, обмерщица Тая Вель берётся найти ошибку в планах. По ту сторону стены она встречает Орена Рея — инженера, пропавшего восемь лет назад. Он знает, как вернуть потерянное пространство. Но его собственное тело давно стало частью механизма, удерживающего город. Каждая спасённая комната требует места среди живых. За чужое возвращение придётся платить тем, кто ни в чём не виноват, — в том числе семье Таи. А человек, которому она всё сильнее хочет доверять, скрывает правду о старой аварии. Мрачное романтическое фэнтези о городе, построенном на чужих потерях, цене исправленных ошибок и любви, для которой ещё предстоит найти место.

© Форальберг А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Обмер	5
Глава 1. Лишние сорок сантиметров	5
Глава 2. Обратная сторона	10
Глава 3. Подпись под пустотой	17
Глава 4. Право войти	23
Глава 5. Дом сестры	30
Глава 6. Тетрадь портнихи	35
Глава 7. Замок без скважины	41
Глава 8. Первая переправа	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Форальберг

Дом на обратной стороне

Часть первая. Обмер

Глава 1. Лишние сорок сантиметров

За подтверждение того, что в комнате никто не живёт, Тая обещали семь марок. Три из них ей предстояло отдать человеку, который привёл бы в порядок её единственные приличные сапоги, ещё две — за уголь. На оставшиеся можно было поужинать так, чтобы утром не вспоминать об ужине с обидой.

Поэтому записку, подсунутую под дверь мастерской, она прочитала дважды.

«Соляной спуск, дом девять. Шестая квартира. Заключительный осмотр после добровольного освобождения. Ключ у жильцов. Желательно до полудня».

Внизу стоял номер наряда. Печать Палаты пространственных работ отпечаталась неровно: правый край башни пропал. Ничего необычного. В приёмной любили смачивать подушечку водой, хотя каждому было известно, что чернила от этого портятся.

Тая положила записку в сумку и вышла, не дожидаясь, пока вскипит чайник.

Соляной спуск начинался у рыбного рынка и кончался лестницей, нижние ступени которой прилив дважды в сутки забирал себе. Утром здесь пахло водорослями, горячим хлебом и нечистотами: пекарня открывалась раньше, чем проезжала выгребная бочка. Тая купила хлеб с луком и съела по дороге половину, придерживая сумку локтем. Из неё торчал складной мерный шест, из-за которого прохожие уступали ей дорогу заметно охотнее, чем требовала вежливость.

Дом девять оказался жёлтым, в три этажа, с аптекой внизу. На карнизе над аптекой лежала одинокая мужская перчатка. Водосточную трубу обнимала вывеска с нарисованной пиявкой.

Во втором этаже горело окно.

Тая остановилась. Свет был слабый, желтоватый, и всё-таки различимый даже на утреннем солнце. За стеклом висела занавеска из двух сшитых кусков: белого и выцветшего зелёного.

Она достала наряд. Шестая квартира, второй этаж, жилая комната. Вполне возможно, окно относилось к соседней квартире. Отметив для себя занавеску, Тая вошла в дом.

На лестнице сушилось бельё. Пришлось пригнуться под парой огромных подштанников, потом переступить через таз. Навстречу ей вышла женщина с мукой на щеке и ребёнком, висевшим на бедре.

— Вы за Лидой?

— По наряду Палаты. На осмотр.

Женщина так быстро поставила ребёнка на пол, что он возмутился.

— Наконец-то. Я вчера вечером ходила, сегодня с утра опять. Сказали, заявку приняли.

Тая перестала жевать.

— Какую заявку?

— Что комнаты нет.

Женщина говорила спокойно, почти сердито. Таким голосом сообщали, что опять не привезли дрова.

Тая убрала хлеб в карман.

— Покажите.

В шестую квартиру вела дверь с медной шестёркой, повёрнутой набок. Женщина открыла её собственным ключом.

— Я Зоя, через стену живу. Она мне оставляет, когда уезжает к дочери. Но сейчас-то не уезжала. Вчера заходила ко мне за ножницами. Большими, раскройными. Свои затупила.

— Во сколько?

— Около десяти. Потом я с мальчиком ушла на рынок. Вернулась — тишина. Думаю, спит. Она иногда днём ложится, колени у неё. Только вечером дверь открыла. Вы уж простите, тут у нас не прибрано.

За дверью была кухня. На столе лежала хлебная корка, накрытая перевернутой чашкой, чтобы не досталась мухам. В железной печке остывала зола. Над тазом висели чулки — три целых, один распоротый по пятке. У порога стояла мягкая туфля с пришитой к заднику петлёй.

Правой туфли не было.

В дальней стене светлел прямоугольник новых обоев.

Тая посмотрела на него, на низкий потолок, потом ещё раз на туфлю.

— Здесь была дверь?

— А где же ей быть? Я ещё вчера через неё проходила.

На столе под чашкой оказалась квитанция за воду. Текущий месяц, оплачено полностью. Рядом лежала коробочка с иглами, в каждую уже была вдет нитка. Кто-то готовился к долгому шитью и предусмотрел всё, кроме исчезновения места, где собирался работать.

— Кто-нибудь из Палаты приезжал?

— Двое. В позавчерашний вечер. Смотрели подпол. Говорили, будет тихо, ничего даже не заметим.

Зоя провела по щеке тыльной стороной ладони, размазав муку.

— Вы ведь можете вернуть?

Тая сняла сумку.

— Сначала мне нужно понять, что произошло.

Зоя отвернулась к ребёнку. Тая помедлила, пытаясь найти что-нибудь обнадёживающее, но промолчала.

На кухне было холоднее, чем на лестнице. Тая не стала снимать пальто, только завернула рукава, и начала с простого: длина, ширина, диагональ. Замеры записывала на обороте наряда, рядом с номером квартиры.

По старому плану от передней стены дома до внутреннего угла кухни должно было получиться одиннадцать метров шестьдесят два сантиметра. Получилось одиннадцать двадцать два.

Тая проверила зацеп рулетки.

Ещё раз — одиннадцать двадцать два.

Пропали не только комната и дверной проём. Укоротился коридор. Часть пространства подтянули к шву, чтобы закрыть его, и ни одна из обычных стен не могла объяснить недостачу.

Под большим пальцем левой руки ныла заноза, загнанная вчера. Тая надавила на неё, сосредоточиваясь. Занозу можно было вытащить иглой. С коридором предстояло повозиться дольше.

— Мне нужен нож, — сказала она.

Зоя подала хлебный.

— Другого нет?

— Есть хороший. Но он хороший.

— Тогда этот.

Тая завела лезвие под край новых обоев. Полоса отделилась легко. Клей ещё не просох, пах кислым тестом.

Под обоями была штукатурка, под ней — узкая белая пластинка. Не дерево, не камень. Глазурованная керамика с тремя синими рисками.

Тая выдохнула через нос.

Сам по себе отводной узел не означал преступления. Половина Лавера пользовалась помещениями, полученными при складке: кладовыми, мастерскими, тёплыми пристройками над дворами, где прежде нельзя было поставить даже сарай. В школе Тая училась в классе, который в прошлом был пустой танцевальной залой за рекой. Никто не видел ничего дурного в том, чтобы простор находился там, где он нужен.

Но за этой пластинкой недавно жила женщина.

— Ничего тут не трогайте, — сказала Тая.

Зоя посмотрела на нож у неё в руке.

— Кроме вас?

— Пока — кроме меня.

Она вытащила из сумки отвес на тонкой нити, привязала к трубе под потолком и дождалась, пока грузик успокоится.

Он висел не вертикально.

Маленькая латунная груша отклонялась к бывшей двери. Едва заметно; человек, привыкший вешать картины на глаз, пожал бы плечами. Тая переставила под отвес табурет, поднялась и проследила нить от узла до грузика. Ничто её не касалось.

Снизу заскреблось.

Ребёнок Зои прижался к материнской юбке.

Тая опустилась с табурета и приложила ухо к стене.

Сначала она слышала лишь улицу: колёса, продавца угля, крик чайки. Затем три удара. Два быстрых, третий после паузы.

— Лида?

Ответа не было.

Тая постучала костяшками.

Три удара повторились. Теперь ближе к полу.

— Уведите мальчика, — сказала Тая.

— Это она?

— Не знаю. Уведите его и позовите аптекаря. Нужны люди, которые смогут нести взрослого человека. Если у него есть лом — пусть захватит.

Зоя схватила ребёнка за руку. Тот завертел головой, пытаясь всё рассмотреть, но мать увела его на лестницу. Тая осталась одна.

На внутренней стороне кухонной двери висела бумага, которой прежде она не заметила. Новая, ровно обрезанная, с сургучом в верхнем углу.

«Работы завершены. Нарушать целостность отделки до заключительного освидетельствования запрещается».

Ниже мелко: повреждение узла по вине третьих лиц оплачивается виновной стороной в полном объёме.

Тая прикинула, сколько может стоять отводной узел. У неё не хватило бы даже на половину, если продать мастерскую вместе с постелью.

Она сняла бумагу и положила лицом вниз.

— Если вы меня слышите, отойдите от стены! — крикнула она.

Нож был плохой, а штукатурка — ещё хуже. У первого синего деления нашлась щель. Тая ввела в неё кончик, нажала, и узкая полоса стены вдруг отошла на толщину ногтя.

Воздух потянуло из кухни.

Не сквозняком. Сквозняки свистели в оконной щели и пахли морем. Здесь молча сдвинулась пыль на полу; несколько ниток поползли к стене, распрямляясь. Грузик отвеса качнулся так резко, что ударил по штукатурке.

— Прекратите, — сказал мужской голос.

Тая отдернула руку.

Голос шёл из щели. Низкий, раздражённый, совершенно живой.

— Кто там?

— Человек, которому сейчас на голову упадёт шкаф. Уберите нож.

Она вытащила лезвие. Щель осталась.

— Где Лида Сенн?

— Здесь. Она дышит. Сначала ответьте: у вас открыта наружная дверь?

— Да.

— Закройте. Окно тоже.

Тая не двинулась.

— Чтобы тяга не брала воздух с улицы?

За стеной помолчали.

— Вы из технадзора?

— Обмерщица.

— Тогда посмотрите на верхний угол. Тот, который справа от вас. Есть трещина?

Трещина была. Тонкая, волосовидная. Пока Тая смотрела, с неё осыпалась белая пыль.

Она закрыла окно, потом кухонную дверь. На лестнице уже гулко спорили: Зоя требовала, чтобы аптекарь перестал искать виноватых и взял носилки.

— Закрыла.

— Хорошо. Теперь нижнее крепление. На высоте вашего колена. Не трогайте верхнее.

Тая присела. Под штукатуркой прощупывался квадрат.

— Если я высвобожу нижнее, рама повернётся.

— Да.

— На кухню?

— Если нам повезёт.

— А если не повезёт?

Он что-то ответил, но слова потонули в деревянном треске.

— Простите, не расслышала.

— Я сказал, шкаф хороший. Тяжёлый. Женщина выбирала на совесть.

От страха Тая неожиданно разозлилась.

— Держите свой шкаф. Я сейчас.

Нижнюю пластинку закрывал плинтус. Гвозди старые, краска в три слоя. Она подсунула под него плоский конец мерного шеста, мысленно простилаась с инструментом и нажала.

Плинтус вывернулся с длинным хрустом.

За дверью окликнула Зоя.

— Не открывайте! — крикнула Тая. — Пока не скажу!

Латунный отвес уже тянуло почти горизонтально. Нить дрожала, тихо позванивая о трубу. Тая обернула ладонь платком, нашла ножом паз в нижней пластинке и повернула лезвие.

Движение получилось небольшое.

Стена подалась целиком.

Обои разорвались от пола до потолка, и кухню наполнил сухой, душный воздух. Тая отступила, выставляя шест. Он упёрся в раскрывающуюся раму, соскользнул и застрял под углом между порогом и печкой.

По ту сторону была комната.

Та самая занавеска, белая с зелёным. Медная кровать. Швейная машина под окном. Всё стояло слишком близко, будто смотреть приходилось через сильно выпуклое стекло. Пол медленно поднимался к дальней стене, хотя кровать ещё не съезжала.

Возле шкафа стоял мужчина.

Он держал ладонь на дверном косяке, другую руку прижимал к груди. Одежда на нём была рабочая: тёмная рубашка, жилет с оборванной застёжкой, высокие ботинки. На виске белела прядь, словно он неудачно вытерся после побелки. Тая сперва подумала, что его лицо покрыто пылью, потом увидела, как он стиснул зубы, и поняла: он просто очень бледен.

Между расстёгнутой манжетой и ладонью проходили три тёмные линии. Не рисунок. Кожа расходилась по ним, как сухая глина.

У кровати сидела женщина в одном чулке и одной туфле.

— Зоя? — спросила она. — Я вам ножницы потом отдам.

Тая сделала шаг.

— Стойте, — сказал мужчина.

Она замерла, занеся ногу.

На пороге лежала катушка. Обычная деревянная катушка с чёрной ниткой. У неё на глазах та покатила в комнату, но не вниз по наклонному полу, а вверх. Ударилась о ножку кровати и раскололась.

Звук получился такой, будто ломали стул.

Тая медленно поставила ногу обратно.

Мужчина проследил за её движением.

— Теперь видите?

— Вижу.

— На порог ничего не ставьте. Особенно себя.

Она перевела взгляд с разбитой катушки на его руку.

— А вас можно?

Угол его рта едва заметно дрогнул.

— Со мной уже опоздали.

Глава 2. Обратная сторона

Сложнее всего оказалось объяснить аптекарю, почему нельзя просто войти и вынести женщину.

— Если она здесь, — рассуждал он за закрытой дверью, — значит, мы её возмём. А если не здесь, то зачем вы меня позвали?

Тая стояла на коленях у раскрытого шва. Глаза привыкли к искажению, и теперь казалось, что до Лиды всего несколько шагов. Она была так близко, что различалась нитка, приставшая к рукаву.

Мерный шест тихонько потрескивал.

— Потому что она тяжёлая, — ответила Тая. — И потому что я не знаю, сможет ли идти. Подождите на лестнице. Как только скажу, входите.

— Дверь хотя бы откройте.

— Нельзя.

— Вы точно из Палаты?

Тая не ответила. Мужчина у косяка опустил голову. На пол с его запястья упала капля — густая, почти чёрная. Он посмотрел на неё с досадой человека, пролившего чернила.

— Сколько у нас времени? — спросила Тая.

— Не знаю.

— Приблизительно.

— Приблизительно — мало. Как вас зовут?

— Тая.

— Орен Рей. Мне нужна поперечная опора. Та, которой вы подперли проход, не выдержит.

— Я заметила.

— Хорошо. Значит, ещё одна неприятная новость: после неё сломается печка.

За железным боком печки уже проступала тонкая светлая полоса. Сминаемый кирпич крошился вокруг ножки шеста. Тая перестала на него смотреть.

В сумке оставались отвёртка, верёвка, два латунных клина и молоток. Отвес висел под потолком, мерный шест уже трещал. Семь марок и заключительный осмотр не предполагали тяжёлого инструмента.

Она провела ладонью по полу.

Доски широкие, старые. Под ними — балки, направленные от окна к коридору. По крайней мере, так значилось на плане.

— Подполье есть?

— Под столом, — отозвалась Лида. — Только не наступите на крышку с краю. Петля гнилая.

Голос у неё стал отчётливее. Она сидела, неестественно выпрямив спину, и держала обе руки на коленях. Шкаф перед ней накренился, однако одежда на открытой дверце свисала не вниз, а к дальней стене.

— Вам больно? — спросила Тая.

— Пока не двигаюсь, терпимо.

— Что болит?

— Всё, девочка. В моём возрасте вопрос уже ставят наоборот.

Тая отодвинула стол. Хлебная корка под чашкой зашуршала; чашка поехала к краю. Она поймала её и сунула в мойку.

Крышка подпола поднялась с первого раза. Между досками пола и потолком аптеки было тесное пространство, пахнувшее сырой древесиной и сушёными травами. На ближайшей балке

сохранилось клеймо плотника. Тая проверила дерево у опоры: отвёртка оставила неглубокую вмятину, гнили не было. Если упереть распорку в балку, а не в печку, та примет нагрузку.

Оставалось найти то, чем упираться.

— Железная кровать разбирается? — спросила она.

Лида взглянула на свою кровать.

— Я о другой. У Зои за стеной какая?

— У них деревянная. А у аптекаря на заднем крыльце стойки от навеса. Он третий год собирается убирать.

Тая встала и постучала в кухонную дверь.

— Нужны стойки с вашего крыльца.

Снаружи наступила обиженная тишина.

— Я их сушу, — сказал аптекарь.

— Они железные.

— Там дерево тоже есть.

— Принесите две. Сейчас.

Он что-то пробормотал, но шаги начали удаляться. Зоя осталась: Тая слышала, как та переступает на площадке.

— Лида жива? — тихо спросила она.

— Да.

— А что же она не говорит?

— Зоя! — крикнула Лида с неожиданной силой. — Я ножницы потеряла! Потом куплю!

За дверью всхлипнули.

Тая вернулась к шву.

— Может, вам сесть? — спросила она Орена.

— Тогда комната сядет со мной.

Она посмотрела на его ноги. Под ботинками доски прогнулись, однако он стоял спокойно — если не считать дрожи в вытянутой руке. Лицо было узкое, с неправильной линией когда-то сломанного носа. Глаза серые. На левой щеке возле уха белел старый шрам; Тая отметила его машинально, как отметила бы скол на инструменте.

— Вы держите раму?

— Перепад. Раму держит ваш шест.

— Вы держите перепад собой?

— Предложения получше?

Она вспомнила рисунок в учебнике. Отводной мастер в перчатках, ладони на опорах, три помощника у ворот. На соседней странице пояснялось, что перенос разрешается производить только при пустом помещении и проверенных креплениях. На рисунке никто не стоял один в жилой комнате.

— Где ваша бригада?

— Далеко.

Он ответил слишком быстро. Тая прикусила следующий вопрос.

За кухонной дверью загрохотало железо. В сумке нашёлся широкий кусок промасленной ткани, которой она накрывала приборы в дождь. Тая прижала ткань к проходу, закрепила верх ножом в косяке и велела аптекарю открывать дверь понемногу.

Ткань выгнулась в комнату и затрепетала. Орен коротко втянул воздух.

Сначала в кухню просунулся длинный ржавый столб, потом второй, потом багровое лицо их владельца.

— Закройте! — сказала Тая.

— Да я только...

Зоя втянула аптекаря назад и захлопнула дверь у него перед носом.

— Спасибо, Зоя, — сказала Тая.

Обе стойки оказались полыми, с коваными пятками. Тая сковырнула молотком остаток сгнившей перекладины. Стук вышел оглушительным. Лида зажмурилась.

— Сейчас ещё три раза, — предупредила Тая.

На третьем ударе дерево отлетело. Она опустила пятку первой стойки в подпол, на балку, повела верхний конец к раме.

— Слева, — сказал Орен. — Ниже.

— Здесь узел.

— Поэтому ниже.

— Если я надавлю ниже, разойдётся обшивка.

— Здесь уже нечему расходиться.

— В этой квартире собираются жить.

Он посмотрел на неё. Впервые — внимательно, не на руки и инструменты.

— Тогда на ладонь выше, — сказал он. — И подложите дерево.

Тая использовала оторванный плинтус. Вторая стойка легла крест-накрест с первой, упираясь в другую сторону рамы. Латунные клинья вошли под пятки. Когда Тая забила их, дрожь мерного шеста стала тише.

Она ждала, что Орен отпустит косяк.

Он не отпустил.

— Теперь что?

— Окно в комнате надо закрыть изнутри. Видите за занавеской верхний крючок?

— Зачем? Оно закрыто.

— Створки — да. Отвод — нет. Окно ещё держится за фасад. Пока есть две связи, тягу не выровнять.

Тая вспомнила свет с улицы.

— Если закрыть последнюю связь с домом...

— Останется дверь. Та, которую вы держите железками аптекаря.

— А вы?

— И я.

Ей хотелось сказать: мало. Но другого ответа у неё не было.

Лида попыталась подняться. Едва она оторвала ладони от коленей, её потянуло боком; плечо ударилось о кроватную спинку. Орен передвинул ногу на несколько сантиметров. Шкаф издал долгий, жалобный скрип.

— Не надо, — сказала Тая. — Я сама.

Она завязала верёвку у себя на поясе. Второй конец закрепила на лестничном стояке, оставив запас, чтобы дойти до окна. Верёвку пропустила через щель приоткрытой кухонной двери. Зое велела следить, чтобы петли не цеплялись за порог.

— Только не наматывайте на руку. Если потянет — отпустите.

— Как это отпустите?

— Верёвка закреплена на стояке. Вы только подаёте запас. Если рванёт, не пытайтесь удержать руками.

Зоя посмотрела ей прямо в лицо.

— Вы знаете, что делаете?

Тая затянула узел.

— Знаю, что нельзя тянуть верёвку голыми руками.

Она сняла сумку, пальто и шарф. Подумала, не снять ли сапоги, чтобы чувствовать пол, но вспомнила расколотую катушку. Подошвы оставались последним разумным преимуществом.

Орен освободил руку, которую прижимал к груди, и указал на узкую полосу у стены.

— Здесь. Ступайте туда, куда я скажу. Не торопитесь. Если начнёт кружиться голова, садитесь сразу.

Тая поставила ногу на порог.

Внутри под рёбрами что-то неприятно качнулось. Тело знало, где находится пол; комната предлагала другую точку зрения. Ей пришлось упереться плечом в косяк, чтобы не упасть.

— На тёмную доску, — сказал Орен. — Теперь следующую. Не смотрите в окно.

Разумеется, она посмотрела.

За занавеской был Соляной спуск. По улице шла девочка с корзиной, подняв к себе лицо совершенно неестественным образом: Тая видела её сверху и сбоку одновременно. Колесо проезжавшей телеги растянулось овалом, а потом исчезло, не проехав остатка окна.

Тая зажмурилась.

— Предупреждал, — сказал Орен.

— Если вам хочется поругаться, отложим до лестницы.

— С удовольствием.

Она открыла глаза, глядя в пол. Следующая доска. Ещё одна. У стены её сапог стал тяжелее, словно к нему налипла мокрая глина. Верёвка натянулась поперёк живота.

— Левее, — сказал Орен.

До окна оставалось меньше метра.

За медной кроватью лежала правая туфля. У ножки — ножницы с чёрными кольцами. Лида увидела, куда смотрит Тая.

— Вот же они.

— Заберу на обратном пути.

— Не нагибайтесь! — резко сказал Орен.

Тая выпрямилась, хотя ещё не успела наклониться.

— Хорошо.

Она дотянулась до верхнего крючка. Палец едва доставал. Нашупать пришлось вслепую: взгляд удерживался на цветке, вышитом у края занавески. У цветка было пять синих лепестков, шестой не закончен. Почему-то именно это не давало окончательно растеряться. Лида собиралась дошить его. Не прощалась с комнатой, не раздавала вещи, не освобождала её добровольно. Просто оставила себе работу на потом.

Под крючком находилась керамическая кнопка. Тая нажала.

Дневной свет исчез.

За стеклом стало темно, а потом из темноты проступила стена другой комнаты. Совсем рядом. Чужие обои, красные, в мелкую полоску. Висящее боком овальное зеркало.

Тая отдёргнула руку.

Пол под ней выравнился так быстро, что колени подогнулись. Она упала на одно колено, схватилась за кровать. Где-то позади Орен выругался, очень тихо и с таким чувством, что стало ясно: ругань предназначалась не ей.

В кухне звякнули стойки.

— Стойте! — крикнула Тая, прежде чем поняла, к кому обращается.

Никто не двигался.

Потом Орен убрал ладонь с косяка.

На белой краске остался тёмный отпечаток.

— Теперь можно, — сказал он.

Тая поднялась. Ноги дрожали. На миг она вспомнила о хлебце в пальто, потом увидела, что Лида пытается встать, и шагнула к ней.

— Поможете мне? — спросила Тая.

— Пока нет.

Орен осторожно опустил на пол. Согнуть правую руку он не смог и положил её рядом, ладонью вверх. Тёмные трещины пересекали запястье, уходили под манжету. При движении рукава между ними проступал тусклый свет, как из-под плохо пригнанной двери.

Тая отвела взгляд.

Лида была тяжелее, чем казалась. Когда удалось поставить её на ноги, она повисла у Таи на плече, пахнув потом, машинным маслом и простым мылом. Тая взяла её под локти. Они сделали два шага, остановились, потом ещё один.

— Вам сколько лет? — спросила Лида.

— Тридцать.

— Тогда ещё успеете понять, зачем людям поручни.

— Я и сейчас понимаю.

— Понимать мало. Ставить надо.

У порога их подхватил аптекарь. Он всё-таки просунулся в кухню, пока внимание Таи занимала комната, но на этот раз от двери не потянуло. Перепад исчез. Вместе они устроили Лиду на табурете, потом вынесли на площадку, где было больше воздуха.

Зоя стояла рядом с одеялом. Увидев Лиду, она начала говорить сразу обо всём: про ребёнка, про суп, про два похода в Палату. Лида выслушала её с закрытыми глазами.

— Суп я съем, — сказала она. — Про остальное потом.

Аптекарь осторожно ощупывал ей затылок. На пальцах у него осталась кровь.

— Лекаря позовите, — сказал он Зое. — Того, что на Нижней. Пусть сюда придёт, мы её пока никуда не повезём.

Тая подождала, убедилась, что Лида отвечает на вопросы, и вернулась в кухню.

Она думала, Орен тоже выберется.

Он всё ещё сидел по ту сторону.

Свет из кухни доходил до его коленей. Остальная комната тонула в полумраке. За окном с чужими обоями что-то скрипнуло. Орен повернул голову, прислушиваясь.

— Вы можете встать?

— Через минуту.

Тая достала из мойки чашку, прополоскала, налила воды из кувшина и понесла ему. У самого порога он поднял здоровую руку.

— Поставьте здесь.

— Я могу подать.

— Не надо.

В его голосе не осталось ни раздражения, ни шуток. Тая поставила чашку на пол.

Он взял её левой рукой. Пальцы дрожали, вода плеснула через край, намочив штанину. Орен пил медленно, делая паузы между глотками. Она стояла, не зная, куда смотреть, чтобы не казалось, будто ждёт чашку обратно.

— Там ещё есть, — сказала она наконец.

— Спасибо.

— Я позову лекаря и к вам.

— Вашему лекарю хватит госпожи Сенн.

Он поставил чашку рядом с собой, попробовал шевельнуть правой рукой. В этот раз пальцы согнулись. Тая почувствовала облегчение, неожиданно сильное для человека, с которым познакомилась меньше часа назад.

— Вы были с ней всё это время?

— Нет. Услышал недавно.

— Откуда?

Орен посмотрел на окно.

Она тоже посмотрела. За стеклом по-прежнему висело чужое зеркало. В его мутной глубине угадывалась полоска потолка, а дальше — ещё одно окно. Тая ощутила, как по спине под рубашкой стекает холодный пот.

— Это Отвод?

— Часть его.

— Но здесь же...

Она не закончила. Здесь были шторы, швейная машина, отломанная спинка стула, а в соседнем помещении — зеркало. В учебнике рисовали пронумерованные пустые объёмы. Аккуратные, одинаковые прямоугольники.

— Да, — сказал Орен, хотя она так и не произнесла, что имеет в виду.

Тая развернулась, прошла к печке и подняла бумагу, запрещавшую повреждать отделку. Перевернула. Кроме предупреждения и номера узла на обороте помещался список приложений. Согласие владельца. Акт освобождения. Компенсационная ведомость.

— Лида! — позвала она.

Та отозвалась с лестницы недовольным мычанием: аптекарь давал ей что-то пить.

— Вы подписывали согласие на перенос комнаты?

— Нет.

— Может быть, на ремонт? На замену узла?

— Я им сказала, у меня течёт в углу. Пусть трубу заделают. Больше ничего не говорила.

— Деньги получали?

Лида приподняла голову.

— Какие деньги?

Зоя перестала гладить её по плечу.

Тая снова посмотрела на перечень. В нём стояли имя Лиды, адрес и аккуратно впечатанные номера приложений. Рабочий пришёл не по ошибке: для этой комнаты заранее собрали весь комплект.

Она сняла с бумаги сургучный угол вместе с ниткой и убрала документ в сумку.

Орен наблюдал за ней.

— Если хотите жаловаться, снимите ещё нижний номер, — сказал он. — На обороте пластинки. Они отличаются.

— Что отличается?

— Номер в бумаге. И тот, который действительно поставили.

Тая присела у рамы. После поворота нижнее крепление вышло из паза, и его обратная сторона была видна. Она очистила её от приставшей извести.

На бумаге стояло: СС-9/6-14.

На керамике: ОР-31/8.

— Это номер участка, — сказала Тая. — Не комнаты.

Орен ничего не ответил.

Она записала обе комбинации, время, фамилию Лиды и имена свидетелей. Потом вынула из кармана свой наряд. Семь марок за заключительный осмотр. Подтвердить, что здесь никто не живёт.

Осмотр после переноса. Хотя по правилам обмерщик должен приходить до него.

Такие наряды приносили постоянно. Тая сама ругалась на путаницу, заставляла переписывать дату, проверяла оставшиеся размеры и уходила. Если место было пусто, какая разница, кто и когда успел поставить печать?

Она сжала карандаш так сильно, что заболела заноза.

— Вы знали, что она там?

— Услышал, — повторил Орен.

— До того, как мы открыли?

— Да.

— Почему не вышли за помощью?

Он наконец поднялся. Опёрся плечом о косяк, подождал, пока перестанет кружиться голова. Потом посмотрел Тая прямо в лицо.

— Этот выход открыли вы.

Она хотела спросить ещё. Сколько времени он провёл внутри. Где находится его бригада. Почему кожа на руке трескается, а кровь похожа на густые чернила. Вместо этого услышала, как он говорит:

— Мне надо идти.

— Куда?

За окном раздался стук.

Не тот короткий, условный стук, которым Лида пыталась привлечь внимание. Кто-то бил долго, без ритма, с перерывами на несколько дыханий. Звук проходил через стену чужой комнаты и делался глухим, но настойчивость в нём невозможно было принять за скрип дерева.

Тая повернулась к окну.

— Там тоже человек?

Орен расправил повреждённую руку. На лице у него появилось выражение, которое Тая знала по людям, поднимавшим тяжесть на больную спину: короткая внутренняя подготовка, ни на что больше не оставляющая сил.

— Не один, — сказал он.

Глава 3. Подпись под пустотой

Тая потребовала, чтобы он подождал.

Орен посмотрел сначала на неё, потом на треснувшую раму. Ей показалось, он сейчас откажется, и она уже приготовилась объяснять, что одна никого не вытащит и второй раз наугад в стену не полезет.

— Дайте бумагу, — сказал он.

Она вырвала лист из книжки. Карандаш он взял левой рукой, неловко устроил лист на колене и нарисовал прямоугольник. Внутри — три меньших. Подписал цифрами.

— Здесь ещё две комнаты. Ближняя пуста. Во второй люди. Точное число я пока не знаю.

— Отсюда можно пройти?

— Можно, если закрепить окно. Ваших стоек на ещё один перепад не хватит. Нужна бригада с распорной рамой и воротом. Четыре человека минимум.

Тая кивнула. Перестала кивать, когда он добавил:

— Просите тех, у кого есть спусковое снаряжение. За вторым окном провал.

— Насколько глубокий?

— Я не измерял.

Он вернул лист. Несмотря на неловкий захват карандаша, рисунок получился аккуратным: уверенные линии, обозначения толщины стен, стрелка нагрузки. Рядом с последним прямоугольником стоял маленький крестик.

— Это что?

— Сюда не крепить. Простенок треснул.

Тая прочла ещё раз, запоминая.

— Кто-то должен оставаться здесь, — сказал Орен. — Следить за клиньями. Если начнут выходить, забить обратно. Если затянет внутрь, не трогать и выходить из кухни. Поняли?

— Да.

— Повторите тому, кого оставите. Не сокращайте.

У неё поднялось знакомое раздражение: когда ей было двадцать и она впервые пришла сдавать экзамен, мастер долго объяснял, каким концом нужно ставить отвес. Но Орен говорил без снисхождения, глядя на опоры, и Тая проглотила ответ.

— Повторю.

Он поднял чашку, допил воду и поставил на швейную машину.

— Я доберусь до них. Вы присылайте людей сюда. Лучше до вечера.

— Вы вернётесь?

— Постараюсь.

Это был второй честный ответ за утро, от которого ей ничуть не стало легче.

Орен подошёл к окну. За ним, совсем близко, находилась стена с красными обоями. Никакого промежутка, через который мог бы протиснуться взрослый мужчина, Тая не видела. Он провёл ладонью вдоль рамы, остановился у нижнего угла. Стекло дрогнуло, отражение его плеча разделилось надвое.

В следующую секунду он стоял уже по ту сторону.

Тая видела всё движение: как он перенёс вес с одной ноги на другую, как придержал правый локоть, чтобы не задеть косяк. Расстояние между двумя сторонами окна на миг изменилось, пропуская его.

Он оглянулся.

— Сами не пробуйте.

— Я поняла.

— По лицу не скажешь.

Потом он повернулся и ушёл за край чужой стены.

Тая ещё несколько секунд смотрела туда. В окне осталось отражение швейной машины и её собственное лицо, бледное, с полосой пыли на щеке. Она вытерла щеку рукавом и выбралась в кухню.

Марту нашли в мастерской. За ней сбегала аптекарская ученица, получившая точный адрес и обещание двух медяков. Тая до её возвращения сидела на полу перед стойками, держа молоток поперёк коленей. Раз в минуту проверяла ногтем расстояние между клином и балкой. Оно не менялось.

Лекарь приехал раньше Марты. Выслушал Лиду, осмотрел голову, распорядился уложить её у соседки и давать пить понемногу. Тая перехватила его у лестницы.

— Там ещё люди. Возможно, придётся снова вас звать.

Он посмотрел в кухню. На оторванный плинтус, скрещённые стойки, чернеющий проём.

— Я буду внизу у аптекаря, — сказал он. — За мной далеко ходить не нужно.

Она впервые за утро почувствовала, что не всё держится на ней и двух ржавых железках.

Марта появилась с таким выражением лица, будто подозревала Таю в намерении бесплатно починить три замка. В одной руке у неё был ящик, в другой — недоеденное яблоко. На рукаве рабочего платья блестела металлическая пыль.

— Семь марок? — переспросила она, выслушав объяснение. — Хорошо устроилась.

Затем вошла в кухню и положила яблоко на стол.

Марта редко удивлялась вслух. Сейчас она молчала дольше обычного.

— Ты туда входила?

Тая кивнула.

— Одна?

— Там был инженер.

— Был?

— Пошёл к другим. За окном ещё комнаты. Он нарисовал.

Марта забрала лист. Тая видела, как её взгляд задержался на стрелке нагрузки, потом на крестике у простенка. Лицо стало закрытым.

— Как звали?

— Орен Рей.

Марта очень осторожно положила лист на край стола.

— Что?

— Потом. Покажи крепления.

Тая показала. Повторила предупреждение о клиньях целиком. Марта слушала, присев на корточки, пробовала балку отвёрткой. Наконец достала из ящика пару зубчатых скоб.

— Я останусь. Иди в Палату. Нужен старший дежурный. Не соглашайся на приём заявления.

— Я знаю.

— Не сомневаюсь. Всё равно скажу: доберись до человека, который может отправить бригаду. Если начнут обещать завтра, садись у него на стол.

Тая надела пальто, забрала сумку. Хлеб в кармане смялся. Она разломила его пополам, большую часть протянула Марте.

— С луком.

— Вижу.

Марта взяла хлеб и кивнула ей на дверь. Тая вышла, доедая свою часть уже на лестнице.

В Палате пахло мокрой шерстью и горячими чернилами. Перед приёмным окном толпились люди: хозяин подвала требовал плату за испорченные бочки, девушка держала завёрнутую в платок дверную ручку, двое строителей спорили о высоте антресоли. Тая протиснулась мимо очереди к боковой двери.

Писарь поднял на неё глаза.

— Приём с...

Она положила удостоверение на его стол.

— Авария переноса. Есть пострадавшая, в Отводе остаются люди. Нужна бригада со спусковым снаряжением. Старший дежурный где?

Писарь встал сразу.

Через несколько минут она уже шла за ним по коридору, оставляя на плитке белые следы. Писарь не стал переспрашивать и задерживать её. У дежурного кабинета он постучал один раз и сразу открыл дверь.

Старшим дежурным был Глеб Ард, принимавший у неё заключительную часть экзамена. За прошедшие десять лет он раздался в плечах, хотя Тая и прежде считала это невозможным. Пиджак висел на спинке кресла. На столе остывал завтрак, две рыбные котлеты под вмятым колпаком.

Ард выслушал её до конца.

Потом повернулся к писарю:

— Третью группу на Соляной. Полный ворот, две рамы, дыхательные мешки. Лекарь там есть?

— Есть, — сказала Тая.

— Предупредить портовую лечебницу. И пусть лестницу освободят. Запишите: угроза занятому объёму, связь восстановлена. Кто держит?

— Механические опоры. Марта Рун.

Ард поднял брови, но кивнул.

Писарь вышел. Тая осталась стоять у двери.

— Садись, — сказал Ард. — Воды?

Она села. Стул оказался неожиданно мягким, и усталость навалилась так резко, что пришлось сцепить зубы. Ард налил воду из графина и поставил стакан перед ней.

— Отводной мастер был на месте?

— Инженер.

— Фамилия?

Тая вспомнила, как Марта положила рисунок.

— Представился Ореном Реем.

Ард, собиравшийся долить ей воды, застыл с графином в руке. Вода перелилась через край стакана. Он поспешно выпрямил графин.

— Опиши.

— Лет сорок. Высокий. Шрам здесь. — Она коснулась щеки. — Правая рука повреждена. Он удерживал перепад.

— Сам?

— Да.

— Ты видела?

— Я видела человека, который держался за раму. Комната в это время не складывалась. Когда поставили опоры, он смог отойти. Больше ничего утверждать не могу.

Ард провёл ладонью по лицу.

— Рисунок он сделал?

Тая подвинула лист.

Он долго смотрел на схему. Потом аккуратно вернул её к остальным бумагам.

— Этот человек восемь лет числится погибшим.

В коридоре засмеялись. Кто-то проехал с тележкой; одно колесо на каждом обороте издавало короткий визг.

— Он пил воду, — сказала Тая.

Ард посмотрел на неё.

— Я не говорю, что ты видела покойника. Говорю, что числится погибшим. Разные вещи.

— Где?

— На аварии старого главного узла.

— И вы не искали?

Ард убрал колпак с котлет, посмотрел на них и накрыл обратно.

— Искали.

Тая хотела спросить, как долго. Но перед ней лежал номер чужого участка, из которого сделали вывод в квартиру Лиды. Она раскрыла сумку и достала снятый документ.

— Номера не совпадают. Мне нужен наряд на установку узла и основание переноса.

— Материалы заберёт аварийная комиссия.

— Пусть заберёт. Я хочу увидеть сейчас.

— Тая.

— Я пришла засвидетельствовать пустую комнату. В ней была женщина.

Ард откинулся на спинку кресла. Она увидела у него под глазами красные прожилки, которых прежде не замечала. Он устал не меньше её, возможно, гораздо раньше.

— Я понял. Поэтому группа уже выехала. Ты правильно сделала, что не ушла с акта. Теперь дай людям разобраться.

Тая положила ладонь на наряд.

— Мне нужно составить собственное заключение. Здесь моё имя. Я не буду сдавать акт без приложений.

Ард вздохнул, открыл ящик и вынул ключ.

— Реестр разрешений — у Лемы. Пятый стол. Пусть даст тебе копию. Оригиналы остаются у нас.

— Я их не ем.

— Сегодня ты выглядишь так, будто могла бы.

Тая поднялась, и он остановил её жестом.

— Дежурство твоей знакомой пусть примет старший группы. Лично, под запись. До этого она не уходит. И к шву больше не подходи. Ты обмерщица, не аварийный мастер.

— Я знаю, кто я.

Ард посмотрел на белую пыль у неё на рукаве.

— Вот и хорошо.

У пятого стола было открыто окно. Пожилая женщина в вязаной безрукавке разложила на подоконнике чистые промокашки и придавила их кирпичом. На кирпиче белой краской было написано: «Не уносить».

Она взяла у Таи ключ и лист с номерами.

— По какому делу?

— Соляной спуск, девять, шестая квартира.

Лема провела пальцем по реестру.

— Закрытое переселение. Особое распоряжение.

— Чьё?

— Палаты.

— В Палате много людей.

Лема подняла взгляд и увидела, что Тая не шутит.

— Дайте посмотреть.

Она ушла между стеллажами. За окном стучали копыта, торговец предлагал жареные каштаны. Тая вдруг заметила, что давно держит стакан Арда. Принесла с собой и не помнит как. Она поставила его на свободный угол стола.

Лема вернулась с двумя папками.

В первой находилось согласие Лиды Сени на добровольное освобождение жилой комнаты. Подпись широкая, уверенная. Лида, когда Тая просила её расписаться в записке о спасении, держала карандаш тремя пальцами и писала мелко, отдельно выводя каждую букву. Но это ещё ничего не доказывало. После удара головой человек мог писать иначе.

Ведомость подтверждала получение сорока двух марок.

— Здесь есть расписка? — спросила Тая.

— Вторая страница.

Тая перевернула лист.

«Расчёт произведён удержанием задолженности по содержанию дома».

Ни денег, ни отдельной расписки.

— А номер узла?

Лема раскрыла другую папку.

— Временная схема. Освободившееся крепление повторно использовано по разнарядке. Поэтому старый номер. Смотрите, здесь цепочка.

Она провела ногтем по столбцу. Ореховая, тридцать один, помещение восемь. Оттуда крепление переведено в промежуточный резерв, затем на Соляной спуск. Назначение прежнего объёма: складское. Состояние: свободно от лиц и имущества, подлежащего сохранению.

Тая знала этот адрес.

Она ещё не помнила почему, но уже почувствовала, как напряглись плечи.

— Покажите обмер.

Лема вынула из кармашка сложенный вчетверо лист. Тая развернула его, придерживая ломкий сгиб.

Сушильня переплётной мастерской. Узкая комната с двумя рядами стоек и высокой печью. На плане она сама нарисовала печную дверцу раскрытой, чтобы показать, сколько места необходимо для обслуживания. Её тогда заставили перемерять выступ: мастерская спорила с владельцем дома о плате за лишнюю четверть метра.

Внизу стояла её подпись.

Подпись была настоящая.

Тая помнила и комнату, и владельца — маленького краснолицего человека, который всё время предлагал чай. Помнила, как он торопился закрыть дело до обеда. Стойки убрали к стене, книг не было, у печки лежал свёрнутый тюфяк.

Она спросила, кто здесь спит.

Владелец ответил: никто, старьё приготовлено на выброс.

В акте Тая написала: «На момент осмотра помещение свободно».

Это было правдой. В комнате находились только она и человек, который ей заплатил.

К акту прилагалось заявление об отказе от дальнейшего использования. Тая его не составляла и не проверяла. Не её работа. Она отвечала за размеры.

Из открытого окна пахло каштанами. Лема перевернула промокашку, чтобы подсушить обратную сторону.

— Сделать копию?

Тая посмотрела на дату. Восемь месяцев назад.

— Обоих дел, — сказала она.

Лема протянула квитанцию на оплату копирования.

Пока Тая искала кошелек, с коридора пришёл младший служащий. Положил на стол свежий лист, придерживая его за края, чтобы не смазать краску.

— Новый срок. На все доски, сегодня.

Лема прочитала и недовольно поджала губы.

Тая увидела заголовок: «Общая перепривязка жилого резерва».

Под ним — дата. Через тридцать шесть дней.

А ниже, среди обычных распоряжений о доступе к подвалам и освобождении лестниц, стояло предложение:

«Неиспользуемые обратные связи подлежат окончательному закрытию».

Тая положила деньги на стол.

Теперь ей очень хотелось вернуться на Соляной спуск и спросить Орена, что именно в Палате называли неиспользуемым.

Глава 4. Право войти

У дома девять стояла аварийная повозка. Лошади жевали овёс из подвешенных к мордам мешков. Через открытое окно второго этажа спускался толстый канат, огибал блок и уходил обратно. Прохожие останавливались, смотрели наверх; аптекарская ученица раз за разом просила не загораживать вход.

Тая задержалась рядом с повозкой, чтобы перевести дыхание.

Ард прислал бригаду. Тая постояла, глядя, как рабочий у окна выбирает канат, затем поспешила к лестнице.

На лестнице лежали щиты, прикрывая доски. Мимо Таи осторожно провели мужчину в одной рубашке. Он всё время оглядывался, спрашивал, взяли ли сундук. За ним шла женщина, обеими руками державшаяся за пояс спасателя. Последним несли молодого человека с перевязанной голенью.

Тая отступила к стене.

У носилок остановилась Зоя, дала молодому человеку воды. Он пил жадно, но не отрывал глаз от светлого прямоугольника входной двери внизу.

— Как вас зовут? — спросила Тая.

Он посмотрел на её сумку, на медный знак обмерщика.

— Я больше ничего подписывать не буду.

— Не нужно. Только имя.

— Илья. Тин.

У него были чернильные пятна под ногтями.

Тая присела рядом.

— Вы с Ореховой?

Он молчал.

— Из переплётной мастерской?

Молодой человек положил ладонь на край носилок. На большом пальце обнаружился круглый след ожога.

— Вы у печки мерили, — сказал он. — Помню.

Тая почувствовала, как лестничная стена упирается в плечо.

— Когда?

— Зимой. Хозяин велел нам идти обедать. Вы ещё шест уронили. Он загремел, я с лестницы услышал.

Она действительно уронила шест. Из-за чая: владелец поставил чашку прямо на развёрнутый план, Тая потянулась её убрать и задела инструмент локтем.

— Вы жили в сушильне?

— А где ещё?

Спасатель тронул Таю за локоть.

— Давайте потом. Его надо к врачу.

Тая встала и пропустила носилки.

На площадке второго этажа Марта сидела на своём ящике. Молоток лежал поперёк коленей, ладони были красные. Рядом стоял руководитель группы, широколицый мужчина с короткими ресницами. Он делал записи на дощечке.

— Приём опор в пятнадцать сорок, — продиктовал он. — Повреждение нижнего гнезда до нашего прибытия. Дополнительного смещения не обнаружено. Распишитесь здесь.

Марта расписалась и вернула карандаш.

Тая назвала себя. Руководитель кивнул, добавил её фамилию.

— Всего извлекли троих, плюс ваша Сенн. Дальше не идём. Перемычка разрушена, нужен отдельный расчёт.

— Там ещё кто-нибудь есть?

— В доступной ветке — нет. За разрушением неизвестно. Мы передали старшему. Поставим маяк, завтра геодезисты снимут показания.

Руководитель отметил непроверенную ветку на плане. Тая заглянула в кухню. Её мерный шест лежал на столе, переломленный у среднего шарнира. Стойки аптекаря сняли, вместо них проход охватывала тяжёлая чёрная рама. В центре вращался большой винт; два человека затягивали его короткими движениями.

Комната Лиды стала похожа на комнату. Всё ещё без дневного света, но кровать стояла ровно, шкаф прижался к стене, занавеска спокойно свисала над чужим окном.

— А инженер?

Руководитель группы убрал дощечку.

— Остался с той стороны. От помощи отказался.

— Можно его увидеть?

— Пока рама стоит. За красную черту не заходить.

Черту уже провели поперёк комнаты. Тая переступила порог осторожно, всё ещё ожидая, что пол повернётся ей навстречу. Ничего не произошло.

Орен сидел на подоконнике спиной к стеклу. Рукав на правой руке был разрезан до локтя. На коже темнели неровные полосы, но света между ними больше не было.

— Бригада хорошая, — сказал он вместо приветствия.

— Вы могли бы выйти с ними.

— До кухни — мог бы.

— А дальше?

Он опустил взгляд на красную полосу под ногами.

— Дальше у меня не получается.

Тая села на кровать. Пружины жалобно скрипнули. Она сразу поднялась, вспомнив, что это чужая постель, но Орен едва заметно покачал головой.

— Зоя передала от госпожи Сенн: садитесь, пока вас тоже выносить не пришлось.

Тая села снова.

— Что с вами произошло?

Он некоторое время смотрел в кухню. Рабочие переговаривались, считая обороты винта. Один просил другого подать тряпку, потому что сорвал кожу на пальце.

— Вы были у Арда?

— Да.

— Сказал, что я погиб?

— Что числитесь погибшим.

— Это на него похоже.

В голосе Орена что-то изменилось. Тая не поняла, тепло это было или старая обида.

— Восемь лет назад я остался в главном узле во время обрушения. Выходы сняло. Я держал один из них, когда крепление разрушилось, и связь не разорвалась. Осталась во мне.

Он произнёс это почти так же, как утром объяснял, куда ставить стойку.

— Всё это время вы были внизу?

— Большую часть.

— Но почему...

— Не нашёлся другой выход? Нашёлся. Первый через несколько месяцев. Я дошёл до его края и дальше не смог. Тело возвращало обратно.

Он замолчал. Тая впервые заметила, как тщательно он выбирает позу, чтобы повреждённая рука ни к чему не прикасалась.

— У вас ведь нет слов для того, что значит «возвращало», — сказала она.

— Есть. Только мне их неприятно произносить.

Она опустила взгляд на сумку.

— Простите.

Молчание между ними продлилось несколько оборотов винта.

Потом Тая достала объявление о перепривязке. Лема дала ей запасной оттиск — после того, как взяла деньги за все остальные копии.

Орен прочитал, не принимая листа из её рук.

— Срок сдвинули, — сказал он.

— Вы знали о перепривязке?

— Её готовили. Но не так скоро.

— Что произойдёт с этими комнатами?

— Зависит от схемы. Если их внесли в погашенный резерв, старые связи закроют. Придётся искать другие.

— Они есть?

— Не везде.

Тая вспомнила свет из щели и стук у самого пола. Рабочий, который будет закрывать эту связь, может стоять слишком далеко, чтобы его услышать.

— В реестре всё выглядит законно, — сказала она. — Узел из старого резерва. Согласие на перенос. Удержание компенсации в счёт долга.

— Вы этому верите?

— Я видела Лиду. И видела человека, который живёт в комнате, осмотренной мной восемь месяцев назад.

Орен посмотрел на неё без удивления.

— Переплётчик?

— Да.

— Он рассказывал о сушильне. Их перенесли три дня назад. До сегодняшнего утра оставался выход в соседний склад, потом и тот закрылся. Они пробовали стучать везде, где видели свет.

Три дня. Не восемь месяцев в темноте. Эта разница была огромной и совершенно недостаточной.

Тая сложила объявление.

— Мне нужен план того, что находится по ту сторону. Действительный план.

— А мне — нынешний городской.

Они посмотрели друг на друга.

Из кухни окликнули: раму пора ставить на замок, доступ заканчивается.

Орен опустил ноги с подоконника.

— Если захотите продолжить разговор, я буду в старой портовой весовой. В восемь. Вход с востока, возле водяного колеса.

— Это тоже выход?

— Пока ещё да.

— Почему я должна...

Тая остановилась. Она едва не спросила, почему должна ему доверять, хотя час назад вручила бумаги людям, чьи документы привели её к живой замурованной женщине.

Орен не помог ей закончить.

— Я приду, — сказала она.

Он кивнул. Тая вышла из комнаты, и на этот раз он не сказал ей быть осторожной.

Марта ждала у лестницы. Тая подняла её ящик с инструментами; под крышку положила обломки своего шеста.

До мастерской они шли молча. У рыбного рынка пришлось обойти лужу; Марта наступила прямо в середину, будто не заметила. Тая придерживала её за локоть перед телегой. Обе остановились.

— Он действительно Рей? — спросила Марта.

— Ард узнал рисунок. Кажется, да.

Марта сняла с рукава засохшую чешуйку краски.

— Лёша с ним работал.

Тая уже поняла. Всё равно спросила:

— Твой Лёша?

Марта кивнула.

В её мастерской до сих пор стоял маленький табурет, на который никто не садился: сын выточил его в двенадцать лет, одну ножку укоротил, и табурет шатался. Тая несколько раз предлагала подправить. Марта каждый раз говорила, что потом.

— Я не знала фамилию, — сказала Тая.

— Я тоже многих фамилий не знала. После аварии выучила.

Телега проехала. Возница оглянулся на женщин, стоявших у края лужи, но ничего не сказал.

— Ты собираешься с ним работать?

Тая потёрла пальцем ремень сумки.

— Думаю, без него мы не найдём остальные комнаты.

— Тогда спрашивай. Даже когда он делает что-нибудь хорошее, спрашивай, чего тебе не сказал.

— Ты считаешь, он виноват?

— Я считаю, что он был одним из тех, кто принимал решения. Больше мне тогда ничего не объяснили.

Марта забрала у Таи ящик, который та несла от Соляного спуска.

— Сначала поешь, — сказала она. — Спрашивать на пустой желудок ты умеешь только сердито.

Дома Тая обнаружила, что чайник так и стоит на холодной плите. Утренние угли погасли. На верстаке лежала записка от сапожника: он зайдёт за сапогами завтра, если ей всё ещё нужно.

Она сняла обувь и посмотрела на трещину возле подошвы. Снова зашила бы сама, но игла плохо проходила через кожу. К тому же надо было вытащить занозу.

Занозу Тая вытащила не сразу: пришлось распарить палец, а острие иглы плохо слушалось руки. Потом растопила плиту и разогрела вчерашнюю похлёбку. Ложка дрожала в пальцах. Она поставила миску на стол и несколько минут сидела, прислушиваясь к потрескиванию углей.

Мастерская была крошечная. Если разложить на верстаке большой план, приходилось выносить стул в проход. За занавеской помещались узкая кровать и умывальник, над кроватью — две полки с книгами. В умывальнике всегда скапливался песок: сколько ни промывай трубу, море ухитрялось добраться и сюда.

Тая выкупила это помещение три года назад. В первый вечер, когда получила ключи, легла прямо на пол и смотрела, как от уличного фонаря медленно перемещается по потолку свет. Никому не нужно было отдавать комнату к утру. Никто не мог войти и сказать, что она мешает.

Теперь она смотрела на стены и невольно искала белые керамические края.

Ничего не нашла.

К половине восьмого Тая вытащила из ящика старый городской план, чистую тетрадь и переносной уровень. План был общедоступный, из лавки при Палате; служебные схемы ей всё

равно не выдавали. Взяла также хлеб, кусок сыра и складной нож. Подумав, положила второй ломоть хлеба.

Сапоги надела ещё мокрые.

Старая весовая стояла у заброшенного рукава канала. Пока прилив не поднялся, на дне виднелись остовы бочек, толстые верёвки, обросшие раковинами, и сломанное кресло. Над каналом проходил новый пешеходный мост, светлый, с медными фонарями. Внизу было темно.

Тая обошла водяное колесо и толкнула боковую дверь. Та открылась без скрипа.

Внутри пахло мокрым железом. В середине помещения сохранилась большая весовая платформа. Стрелка на круглом циферблате указывала ниже нуля. По стенам тянулись мелкие отметки: часть свежая, часть почти смытая сыростью.

Орен сидел на деревянной скамье под окном. Рядом горела небольшая лампа.

При её появлении он встал.

Тая остановилась у порога. Теперь, без рамы между ними, она заметила, что Орен выше её почти на голову. Он встал осторожно, проверяя движение, и устало опёрся здоровой рукой о подоконник.

— Дверь можно оставить открытой? — спросила она.

— Конечно.

Тая подложила под неё камень.

На скамье лежал металлический круг, похожий на обломок обода. Орен передвинул его здоровой рукой, освобождая место. Она села, оставив сумку между ними.

— Я хочу знать правила, — сказала Тая. — До того, как начнём.

— Начнём что?

— Вы выясните, где находятся люди. Я выясню, какие решения принимаются наверху.

Сверим планы. Найдём выходы.

Он посмотрел на сумку.

— Вы принесли карту.

— Общую. Текущего года.

— Уже хорошо.

— Теперь правила.

Орен сел на другом конце скамьи.

— Я слышу работу узлов. Не голоса во всём Отводе, не мысли, не шаги через десять стен.

Если комнату двигают поблизости, я могу понять, куда тянет. Иногда найти проход. Иногда удержать его.

— Как сегодня.

— Да. Пока связь держит нагрузку, касаться меня опасно. После такого, как сегодня, — особенно.

— А когда отдохнёте?

— Станет меньше. Совсем не уходит. Ваш отвес покажет остаток, если поднести близко.

Она достала латунную грушу. Нить пришлось распутывать: утром она торопливо смотала её вокруг грузика. Орен подождал, не предлагая помощи, которой не смог бы оказать одной рукой.

Тая подняла отвес между ними.

Грузик отклонился к Орену, совсем немного.

— Сейчас лучше не надо, — сказал он.

Она смотрела на нить. Ей хотелось понять, что он чувствует, когда обычный прибор выдаёт в его присутствии неправильное направление. Но этот вопрос можно было оставить на другой раз.

— Дальше.

— Я не могу пройти через любую стену. Нужен действующий шов. Большинство закрытых без инструмента мне тоже недоступны. И я привязан к старому узлу. По сети могу уйти далеко, наружу — ненадолго и недалеко от выхода.

— Насколько далеко?

— Здесь — до середины двора. На Соляном — до печки.

Она вспомнила, как он сказал: до кухни мог бы.

— Вы проверяли каждый выход?

— Каждый, который находил.

Вопрос о том, как он проверял, остался произнесённым.

Тая вынула хлеб и сыр, развернула ткань. Орен перестал смотреть на отвес.

— Вы едите обычную еду?

— С большим удовольствием.

Она положила нож рядом, сдвинула свёрток на середину. Он отломил хлеб левой рукой. Делал это медленно, но удержаться от второго куска сразу не смог.

Тая отвернулась к карте, давая ему возможность есть без свидетеля.

— Мне нельзя брать закрытые схемы, — сказала она. — Можно запрашивать приложения к своим актам. И делать новые обмеры, если пускают владельцы. Не везде пустят.

— Понятно.

— Я не умею работать с перегруженными узлами. Даже если буду делать вид, что умею, не верьте.

Он коротко улыбнулся.

— Сегодня это было убедительно.

— Сегодня мне повезло. И мне нужны полные сведения. Если переход опасен — насколько. Если знаете, что за дверью люди, — говорите. Не решайте заранее, чего я испугаюсь.

Орен положил недоеденный хлеб.

— Вы думаете, я не сказал о ком-то сегодня?

— Я не знаю. Поэтому и прошу.

Он посмотрел на открытую дверь. В канале ударило о камень что-то деревянное.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда и вы не меняйте план в середине перехода, не предупредив. Иногда достаточно отойти на полшага, чтобы мне пришлось держать другую нагрузку.

Тая кивнула.

— И ещё, — добавил он. — Если увидите внутри человека, сначала смотрите на пол. Потом идите к нему. Не наоборот.

— Это будет трудно.

— Знаю.

Она развернула план на весовой платформе, прижав один угол уровнем, другой сумкой. Орен перенёс лампу. Когда он наклонился, чтобы поставить её между ними, свет лёг ему на шею и открытую часть груди. Там, над воротом, тёмных полос не было. Обычная кожа. Маленькая родинка возле ключицы.

Тая поймала себя на том, что смотрит слишком внимательно, и опустила глаза к карте.

— Деньги у меня сейчас только на копии, — сказала она.

— Я не просил денег.

— Я всё равно должна сказать.

— Тогда скажите ещё раз, когда появятся.

Тая подняла на него глаза. Орен ждал ответа с невозмутимым видом. Она не удержалась от улыбки.

Орен задержал взгляд на её лице, потом вернулся к плану.

— Вот здесь старый коллектор. На этой карте он уже заложен. На самом деле нет.

Он указал пальцем. Тая наклонилась рядом. Между их руками на бумаге оставалось несколько сантиметров; рядом лежал отвес, и она отчётливо помнила, что означало небольшое отклонение нити.

— Отсюда к Ореховой, — продолжил Орен. — Потом за склад, сюда. Здесь проход был ещё зимой. Теперь закрыт.

Тая отмечала карандашом. Линия шла через кварталы, в которых она бывала десятки раз, но не совпадала ни с одной улицей. Пересекла рыбный рынок, свернула под аптеку, прошла через водокачку.

Орен остановился у светлого прямоугольника на восточном берегу.

— Этот район новый?

— Открыли весной. Больничная пристройка, дома для служащих. Почему?

Он не ответил сразу. Переставил лампу, чтобы лучше видеть подписи, и указал на третий дом от моста.

Тая узнала его раньше, чем прочла номер.

У этого дома был зелёный балкон. На балконе сестра сушила бельё, а Уля ставила в ряд глиняные чашки, чтобы собирать дождевую воду для своих выдуманных лекарств.

— Что с ним? — спросила Тая.

— Я думал, там склад.

— Там живут.

Орен убрал руку с карты.

— Значит, нам понадобится гораздо более точный план.

Глава 5. Дом сестры

На следующий день у Дины убежало молоко.

Тая услышала её ещё с лестницы: сестра ругалась вполголоса, потому что дочь спала за стеной. Дверь была приоткрыта. Из квартиры пахло горелым и свежевystираным бельём.

— Это я, — сказала Тая.

— Тогда заходи и ругайся вместе со мной. Может, поможет.

Дина стояла у плиты, держа кастрюлю на отлёте. Тая забрала у неё мокрую тряпку. Они молча привели в порядок плиту, потом сестра перелила оставшееся молоко в миску и погрузила кастрюлю в воду.

— Чаю?

— Да.

— Нормального или того, который полезный?

— Нормального.

— Слава богу. Полезный я вчера выбросила. Он даже в сухом виде пахнет так, будто уже побывал внутри человека.

Дина убрала волосы с лица. На щеке осталась мокрая полоса. Она была старше Таи на четыре года, но утром, без строгого рабочего пучка, казалась младше. Особенно когда злилась на кастрюлю.

Тая поставила сумку возле двери и сняла пальто.

Из соседней комнаты вышла Уля. В одной руке держала куклу, в другой — шерстяной носок. Посмотрела на тётку, на стол, на молочную лужицу под плитой.

— Опять убежало?

— Сама видишь.

— Надо крышку тяжёлую.

Дина указала на дочь ладонью.

— Растёт ещё один специалист. Скоро вдвоём будете учить меня жить.

— А папа придавливал ложкой, — сказала Уля.

Дина повернулась к шкафу за чашками.

— Папа потом мыл и ложку тоже. Одевайся, я тебе кашу оставила.

Муж Дины ходил на каботажном судне и возвращался раз в две-три недели. Прежде Тая считала, что такой брак удобен: человек появляется как праздник, а всё остальное время не мешает. Потом несколько раз помогла сестре одновременно собрать Улю в школу, починить протёкший кран и добраться на работу к началу смены. С тех пор свои наблюдения при себе оставляла.

Уля притащила на кухню маленькую табуретку, уселась рядом с Таяй и протянула куклу.

— Она заболела.

— Чем?

— Пока не знаю. Поэтому лечу всё.

— Опасный подход, — заметила Дина.

Уля укрыла куклу носком и взялась за кашу.

Квартира была тёплая. Не натопленная до духоты, а ровно тёплая, от пола до потолка. В старом доме сестры зимой замерзала вода у наружной стены; здесь Уля ходила босиком. Из большого окна виднелся канал, пешеходный мост и угол госпиталя с медным флюгером.

Тая вчера долго смотрела на этот угол на карте. Орен показал три старые связи, уходившие под новый береговой район. Современной разводки он не знал. Прямоугольник, принятый им за склад, теперь содержал квартиры, но на купленном Таяй плане обозначалась только наружная граница застройки. Состав помещений Палата в общую продажу не давала.

— Мне нужен план вашего дома, — сказала она.

Дина поставила перед ней чай.

— Зачем?

— Проверить связи. Вчера случилась авария на Соляном.

— Знаю. К нам привезли троих.

— Лиду оставили у соседки.

— Четверо, значит. — Дина села напротив. — Ты там была?

Тая кивнула.

— Все размеры твои?

— Нет. Я пришла после переноса.

Уля подняла глаза от каши.

— Какого переноса?

Дина потянулась к миске, добавила дочери молока.

— Взрослые про работу. Доедай, а то опять побежишь с хлебом в руке.

Уля послушалась, но жевала медленно, явно рассчитывая остаться и услышать интересное. Дина это заметила.

— Твоя зелёная лента на комод. Красную не бери, её надо зашить.

Через несколько минут девочка умчалась к соседским детям, с которыми ходила в школу. Дина проверила, что дверь закрылась, и вернулась к столу.

— Теперь рассказывай.

Тая рассказала. Про комнату, Лиду, швы и подозрительную подпись в согласии. Про сушильню на Ореховой. Орену отвела только ту часть, которую уже сообщила Арду: человек помог, знает старую сеть. Восемь лет внутри стены требовали отдельного разговора, а Дина и без того смотрела на неё всё мрачнее.

— Ты могла вызвать бригаду сразу, — сказала сестра.

— Вызвала бы. Но она стучала.

— Я понимаю.

Дина сложила на столе руки.

— Правда понимаю. И всё равно ненавижу, когда ты так делаешь.

Тая посмотрела в чашку. На поверхности плавала тонкая чайника.

— Я не умею определять по стуку, сколько у человека осталось времени.

Сестра отвернулась к окну. Некоторое время они молчали.

— Почему наш дом? — спросила Дина наконец.

Тая развернула вчерашние заметки. Показала линию под береговым районом.

— Три старые связи сходятся здесь. На бумаге их нет. Я хочу посмотреть новую схему. Это ещё ничего не доказывает.

— Ты умеешь прийти с хорошими новостями?

— Хорошими ты делишься сама.

Дина издала короткий смешок и встала.

Документы она хранила в жестяной коробке из-под печенья. Когда вытаскивала её из шкафа, коробка зацепилась за свёрнутую простыню. Тая подхватила угол, помогла. Сестра поставила коробку на стол, сняла крышку.

Внутри лежали письма мужа, свидетельство Ули, больничные ведомости и договор на квартиру. Каждый вид бумаг Дина обернула отдельной полоской ткани. Тая всегда восхищалась этой способностью придавать порядок вещам, которым не требовалась точность до миллиметра.

План оказался приложением к договору. Две комнаты, кухня, уборная, балкон. Тая провела пальцем по толстой стене, отделявшей кухню от жилой комнаты. В стене обозначался узел.

— Можно посмотреть саму пластинку?

Дина указала на полку с крупами.

Они сняли банки. За последней, с горохом, обнаружилась маленькая дверца. Тая открыла её собственным плоским ключом — замок был обычный, технический, одинаковый во всех домах.

Белая керамика. Три синие риски. Целая глазурь, сухие швы, нет пыли от смещения.

Тая достала отвес.

Нить висела прямо.

— Пока всё нормально, — сказала она.

Сестра стояла у неё за спиной.

— «Пока» обязательно?

— Оно всегда есть. Даже если не произносить.

— Иногда можно сделать человеку приятное и не произнести.

Тая обернулась.

Дина смотрела на открытую дверцу так, словно внутри сидело что-то, с чем они все эти месяцы делили квартиру без её ведома.

— Мне дали этот дом после одиннадцати лет работы, — сказала она. — Здесь не течёт крыша. Уля не кашляет всю зиму. До госпиталя семь минут. Я всё ещё каждый день радуюсь, что можно выйти и не тащить ребёнка через полгорода.

— Дина...

— Я не говорю, что кто-то должен остаться за стеной ради моей кухни. Не делай такое лицо.

Тая закрыла дверцу.

— Я не делаю.

— Делаешь. Ты всегда так выглядишь, когда уже приготовилась объяснить, почему права.

Они стояли очень близко, разделённые открытым шкафчиком и снятыми банками. Тая осторожно передала сестре горох.

— Я не хочу, чтобы ты отсюда уезжала. Мне нужно понять, что связано с чем. И можно ли вернуть исчезнувшие комнаты, не повредив ваши.

Дина взяла банку обеими руками.

— Вот с этого и начинай.

До госпиталя они дошли вместе. Дина обещала узнать, где хранится технический план пристройки. Тая несла жестяную коробку с обедом сестры: обе привыкли, что человек с менее тяжёлой сумкой берёт ещё что-нибудь.

Перед входом выгружали бельё. Дворник обметал колёса тележек, прежде чем впустить их во двор. На солнечной стороне стены сидел пожилой мужчина с перевязанным локтем и показывал маленькому мальчику, как делать свисток из травинки. Мальчик старался изо всех сил; звука не выходило.

— Это бывшая прачечная, — сказала Дина, заметив, куда смотрит Тая. — Теперь приёмное отделение. Видишь окна наверху? Там сорок коек. Раньше людей в проходе клали.

Внутри пахло мылом, варёной свёклой и лекарствами. В старой части коридор был узкий, с низкими арками. Потом становился шире; свет падал из высоких окон, между которыми висели медные грелки для белья.

Тая замедлила шаг.

В её профессии расширение можно было заметить по звуку. Под низкой аркой шаг возвращался сразу, в новом коридоре — чуть позже, чем ожидало ухо. Привычный мир отставал от собственного эха на крошечную долю мгновения.

На кушетке возле окна лежал Илья Тин. Он спал, подложив ладонь под щеку. Голень была поднята на подушку. Рядом стояли его башмаки: один целый, второй разрезан вдоль шнуровки.

Тая остановилась.

— Потом зайдёшь, — тихо сказала Дина. — Ему дали поспать.

Чуть дальше два санитара пытались вкатить в палату женщину. Колесо каталки застряло в перекошенной планке порога. Один санитар потянул сильнее, женщина вскрикнула.

— Стойте, — сказала Тая.

Она опустила коробку с обедом, присела, вытащила из сумки отвёртку. Два винта вышли легко, третий не поддавался. Дина удержала край каталки, пока Тая поддевала планку.

Через минуту проход освободился.

— Её заменить нужно, — сказала Тая. — И порожек проверить. Пол немного поднялся.

— Заявку подавали, — ответил санитар. — Ещё до праздника.

— Сегодня заменят, — произнёс женский голос за спиной.

Тая обернулась.

У стены стояла женщина в простом тёмном платье. Седые волосы собраны низко, у запястья — часы на узком кожаном ремешке. Ничего, по чему сразу можно было бы определить высокую должность. Но санитар выпрямился, а Дина убрала руку с каталки.

— Номер заявки? — спросила женщина.

— У заведующей, госпожа Корд.

Та повернулась к молодому человеку с папкой, стоявшему на шаг позади. Он записал.

Тая встала, держа в руках снятую планку.

— Ивета Корд, — представилась женщина. — Вы из технической службы?

— Тая Вель. Независимый обмерщик.

Корд посмотрела на её значок, потом на лицо.

— Соляной спуск?

— Да.

— Мне доложили. Спасибо, что подняли тревогу.

За открытой дверью палаты санитар попросил больную положить руки на грудь. Её приподняли, перенесли; пружины закрипели. Корд подождала, пока женщина перестанет стонать.

— Пострадавших осмотрели. Семье Сенн предоставят временное помещение. Остальным тоже, если нет другого жилья.

— У них было жильё, — сказала Тая.

Дина чуть заметно коснулась её рукава.

Корд не изменилась в лице.

— Да. И сейчас оно недоступно. Поэтому сначала разместим людей, потом разберёмся с основанием переноса.

— Подпись в согласии госпожи Сенн не похожа на ту, которую она вчера поставила в записи о спасении.

— Она это подтвердила официально?

— Её только вчера вынесли из комнаты.

— Когда сможет, ей нужно дать показания. Я распоряжусь, чтобы к ней пришли, а не заставляли идти самой.

Корд дождалась её кивка. Тая всё ещё держала планку; торчащий винт цеплял рукав.

— Срок общей перепривязки сдвинули, — сказала она. — Если в других помещениях остались люди...

— Проверим резерв.

— Весь?

Корд посмотрела на снятую планку в её руках.

— Весь тот, который подлежит закрытию. Для этого и предусмотрен предварительный осмотр.

Она говорила спокойно, не стараясь уйти от разговора. Тае вдруг захотелось показать ей шесть сантиметров расщеплённого дерева возле печки, чёрный отпечаток ладони и правую

туфлю Лиды. Привезти всё это сюда, выложить поперёк светлого коридора. Чтобы нельзя было ответить словами, в которых уже приготовлены места для следующей беды.

Она опустила планку острым концом к полу.

— Осмотр должен быть до переноса, — сказала Тая.

— Совершенно верно.

Корд повернулась к Дине.

— Куда вас поставить на следующую неделю? Северный вход уже готов?

— Не хватает двух человек на утреннюю смену, — ответила Дина. — И проводников для лежащих. Если откроем сейчас, коляски снова останутся у старого входа.

Они заговорили о людях, сменах, количестве коек. Дина отвечала точно, не заглядывая в записи. Когда Корд предложила перевести женщину из вечерней смены, сестра сразу назвала часы, в которые та принимает повозки с больными. Тая прежде думала, что в госпитале Дина главным образом сидит за столом и раздаёт направления.

Корд выслушала, задала ещё два вопроса и пообещала перевод трёх санитаров из портового пункта. Молодой человек записал это тоже.

Когда они ушли, Дина забрала у Таи порожек.

— Отдам плотнику. Обед мой возьми, а то забудем.

В служебной комнате было тесно, жарко и шумно от кипящего бака. Дина открыла окно, положила на стол договор и приложенный к нему план.

— Она знает, сколько здесь больных, — сказала сестра.

Тая не ответила.

— Не по отчёту. По палатам. На прошлой неделе сама выбила горячую воду на третьем этаже. В управе месяц спорили, чья труба.

— Хорошо.

— Ты говоришь так, будто это не считается.

Тая поставила сумку на пол.

— Считается. Поэтому мне ещё труднее понять.

Дина долго смотрела на неё. Потом села и вытянула ноги под столом.

— Я достану план. Не сегодня, заведующая хозяйством в отъезде. Но у неё есть дубликат. И ведомости заселения. Если ты будешь сверять, начни с них.

— Спасибо.

— Только сначала скажи, что именно собираешься делать. Я не хочу узнать последней, что наш дом надо разбирать.

— Сначала я собираюсь считать.

Дина усмехнулась.

— Вот это на тебя похоже.

На улице Тая задержалась под больничными окнами. Мужчина с перевязанной рукой всё ещё учил мальчика свистеть. На этот раз получилось: резкий, неровный звук, от которого оба рассмеялись.

Тая вынула копию своего старого акта.

Сушильня на Ореховой, тридцать один. Прямоугольник. Печь. Два ряда стоек. Подпись.

Где-то в новой пристройке Илья лежал на койке, для которой когда-то потребовалось чужое свободное место. Возможно, вполне честно отданное. Возможно, нет.

Она сложила бумагу по прежнему сгибу.

Нужны были оба плана: старых комнат и новой пристройки. На карте Орена под этими койками оставалось пустое место.

Глава 6. Тетрадь портнихи

Лида хотела забрать швейную машину.

Все остальные желания — отдохнуть, поговорить с присланным чиновником, перебраться во временную комнату — она обещала рассмотреть после этого. На Соляном спуске по-прежнему дежурили аварийные рабочие. В проходе поставили решётку. За решёткой виднелся стол, на столе стояла машина, до которой Лида никак не могла добраться.

— Они говорят, тяжёлая, — сообщила она Тае. — Так я и без них знаю. Я её тридцать лет двигаю.

Тая поставила сумку.

— Лекарь велел вам лежать.

— Я лежала. Пока вы не пришли.

— А после?

— После встала. Не всё же мне врать.

Зоя, стоявшая у плиты, тихо рассмеялась. Лида обернулась к ней с укором.

На кухне соседки было жарко. Ребёнок спал на постели за занавеской, и взрослые говорили вполголоса. Лида сидела на стуле в чужом халате. Возле виска белела повязка, левая щека потемнела от синяка. Но взгляд был ясный, раздражённый.

— Без машины я не заработаю, — объяснила она, как человеку не очень сообразительному. — У меня воротники обещаны к субботе. Из другой комнаты до них ближе не станет.

Тая ходила к старшему смены. Тот проверил опоры у прохода и разрешил рабочим забрать машину. Они отвернули её от столешницы, сняли приводной ремень и вынесли отдельно тяжёлое чугунное подстолье. Заодно принесли коробку ниток, туфлю, ножницы и тетрадь, о которой Лида вспомнила в последнюю минуту.

— А занавеску? — спросила Тая.

Лида покосилась на окно Зоиной кухни.

— Здесь коротка будет. Пусть пока висит.

Машину собрали у окна. Лида нажала ладонью на колесо, слушая ход, поправила иглу и только потом позволила подать себе подушку под спину.

— Теперь показывайте ваши бумаги.

Тая разложила копии на обеденном столе.

Лида прочитала согласие, поднесла лист ближе к окну. Провела пальцем под подписью, задержалась на последней букве.

— Не моя.

— Мне нужно, чтобы вы написали это отдельно. Сегодня из Палаты должны прийти за показаниями.

— Придут — напишу.

— Лучше сейчас. Чтобы у вас остался свой экземпляр.

Лида посмотрела на неё, потом перевела взгляд на Зою.

— Подай чернильницу. Вон, в коробочке с пуговицами. Только не наклоняй, крышка треснула.

Писала она медленно. Вывела дату, полное имя, адрес. На слове «освобождение» остановилась.

— Я могу написать просто: никуда уходить не собиралась?

— Можете.

— Так и напишу.

Тая дождалась, пока высохнут чернила, и подписалась как свидетель. Зоя добавила свою подпись. Затем они повторили всё на втором листе.

Лида отложила перо.

— Вот теперь я чувствую, что действительно болела. До этого просто голова кружилась.

Она раскрыла принесённую тетрадь. Между страницами лежали полоски ткани, квитанции, засушенный листок. На полях тянулись ряды чисел и имён. Тая сперва решила, что это книга заказов. Потом увидела столбцы: вода, уголь, ремонт, сбор по дому.

— Всё сюда пишу, — сказала Лида. — А то начнут говорить, что не платила.

Сбор за водосток был оплачен в середине лета. За починку лестницы — в конце. Аванс на зимнюю вывозку мусора Лида внесла в тот же день, когда получила деньги за свадебное платье аптекарской племянницы.

Ни одной крупной задолженности, которую можно было бы погасить сорока двумя марками.

Зато в последнем извещении появилась новая строка: пользование дополнительным жилым объёмом.

— Когда её добавили? — спросила Тая.

— В прошлом месяце. Я пошла разбираться. Мне сказали, ошиблись, уберут.

— Кто?

— Сборщик. С усами, молодой. Я фамилии не спросила. Мне квитанцию дали, я и повесила.

— А квитанция где?

Лида провела пальцем между страницами, нашла серый прямоугольник.

«Перерасчёт принят к рассмотрению».

Ни слова о том, что долг снят.

Тая положила квитанцию рядом с ведомостью компенсации. Через девять дней после принятия жалобы в расчёте уже значилось удержание всей суммы. Решения по жалобе среди бумаг не было.

— Комната у вас увеличивалась? — спросила она.

Лида откинулась на спинку стула.

— За сорок лет? Да. Когда мужа похоронила, шкаф его двоюродному брату отдала. Сразу просторнее стало.

Тая посмотрела на план. Обычная комната старого дома, прежних размеров. Никакого нового объёма.

Зоя принесла своё извещение.

У неё такая же строка нашлась на обороте.

За полчаса на стол легли ещё четыре бумаги. Соседи приносили их по одному, недоверчиво заглядывали в кухню. Кто-то оставался, кто-то торопился вернуться к обеду или ребёнку. Тая просила разрешения переписать номера. Лида запоминала фамилии лучше неё и поправляла, если та ошибалась в квартире.

У Михаила Крина, жившего этажом выше, сбор был законный: прошлой осенью ему расширили мастерскую. Крин принёс договор и тут же начал сердиться, что его хотят записать в должники или, наоборот, простить что-то, о чём он не просил.

— Никто вас никуда не записывает, — сказала Тая.

— Вы же записываете.

Она посмотрела на карандаш у себя в руке.

— Я отмечаю, что с вашим сбором всё правильно.

Крин успокоился не сразу. На прощание спросил, может ли забрать договор.

— Конечно. Мне оригинал не нужен.

Лида дождалась, пока дверь за ним закроется, и вздохнула.

— Ему в прошлый раз за новую лестницу дважды посчитали. Теперь любого с книжкой ненавидит. Даже меня.

Следующей пришла Рада Лёс с дома напротив. На ней был чистый платок, завязанный поверх влажных волос. Рада принесла не извещение, а небольшой жёлтый бланк.

— Мне велели освободить чулан, — сказала она. — На время осмотра. Потом вернут.

Тая прочла. В бланке говорилось о временном доступе для технических работ. Номер помещения был напечатан, имя хозяйки вписано от руки. Подписи требовали две: при допуске и после завершения.

— Где чулан?

— За кухней.

— Кто-нибудь там живёт?

— Сын, когда приезжает с баржи. Сейчас нет.

— Вещи?

— Вещи есть. Ящик, постель, инструменты. Они сказали, вынести необязательно. Только ключ оставить.

Лида подняла глаза.

— Мне тоже про ключ говорили.

Тая снова прочитала бланк. Ничего про перенос. Ничего про компенсацию. Обычный доступ к узлу, такой бумаге она сама обрадовалась бы при плановой проверке: не нужно искать хозяина по всему городу.

Внизу стояла завтрашняя дата.

Она попросила Раду пока не подписывать вторую строку и прийти к началу работ самой.

— Я стираю с шести утра, — сказала Рада. — Если уйду, кто моё сделает?

— Тогда я приду.

— За сколько?

Вопрос прозвучал без злобы, с деловой усталостью. Тая вдруг вспомнила семь марок за вчерашний осмотр. Деньги ей ещё не заплатили, да и платить теперь, вероятно, собиралась аварийная комиссия после выяснения обстоятельств.

— Для начала посмотрю бесплатно.

Рада не обрадовалась.

— Бесплатно сначала все смотрят. Потом оказывается, надо такую деталь покупать, что дешевле весь дом продать.

Лида постучала пальцем по тетради.

— Это она меня вытащила.

— Знаю. Спасибо ей. Я про другое.

Тая почувствовала, как усталость превращается в резкость. Захотелось сказать, что можно вообще не приходить. Она зажала карандаш между ладонями и подождала, пока желание пройдёт.

— Я ничего не буду покупать от вашего имени, — сказала она. — И ничего не буду подписывать без вас. Если понадобится платная работа, назову цену заранее. Можно отказаться.

Рада разгладила жёлтый бланк.

— В девять они придут.

— Я буду без четверти.

Когда Рада ушла, в кухне стало тихо. Зоя увела проснувшегося ребёнка во двор. Лида сидела у машины, положив ноги на низкую скамеечку. На столе оставались чашки, бумаги и блюдо с двумя сухарями.

Тая переписала даты в отдельный столбец.

— Не всех обманули, — сказала она. — У Крина настоящий договор. У соседей из восьмой тоже. Надо разбирать по каждому.

— А ты хотела, чтобы всех?

Тая посмотрела на Лиду.

— Нет.

— Тогда хорошо, что не всех.

Тая дописала возле Крина: «Договор сверён». Под следующей фамилией пока оставался вопросительный знак.

— Я боюсь, что ошибусь.

Лида потянулась к коробке с иглами.

— Я как-то раскроила вдовье платье изнанкой наружу. Хорошая ткань, дорогая. Взяла заказов больше, чем могла, за ночь голову потеряла.

— Исправили?

— Нет. Купила новую ткань. Два месяца потом долги отдавала.

Она выбрала иглу, поднесла к свету.

— Ты у меня денег за спасение не попросила. За работу проси. Иначе через неделю начнёшь торопиться и злиться, что тебе нечего есть. А я ещё одну комнату терять не собираюсь.

Тая хотела возразить, но посмотрела на собственные записи: шестеро жильцов, шесть разных оснований, четыре адреса за пределами этого дома. На одни копии уйдёт больше, чем ей обещали за вчерашний наряд.

— Я посчитаю, сколько стоит проверка, — сказала она.

— Вот и считай. Мы между собой соберём. Кто не сможет — с того не возьмём. Только не делай вид, что ты можешь одна содержать всю улицу.

Во двор пришёл служащий Палаты за показаниями Лиды. Молодой, промокший под начавшимся дождём, с сумкой для бумаг. Он попросил стул и сразу выложил два чистых листа — один для дела, другой для хозяйки.

Тая с облегчением пододвинула ему чернильницу.

Она осталась, пока Лида рассказывала. Служащий не перебивал, уточнил время прихода рабочих, записал приметы. Поддельное согласие приложил отдельно. Лида ещё раз указала на сумму долга и заставила его перечислить квитанции по номерам.

— Всё приобщим, — сказал он.

— Мне тоже список оставьте.

Он оставил.

Тая вышла из дома уже под вечер. Дождь шёл мелкий, почти невидимый, но через пять минут волосы у висков стали мокрыми. Соляной спуск блестел, колёса растирали в колеях тонкую белую грязь. Аптекарь снял с карниза свою перчатку и повесил сушиться на ручку двери.

Тая купила пирог с капустой — большой, на двоих. На этот раз денег не пересчитывала. Потом всё-таки пересчитала, стоя под навесом: привычка оказалась сильнее решимости.

В весовой уже горела лампа.

Она остановилась у открытой двери. Орен стоял возле стены и записывал что-то мелом, придерживая правую руку за локоть. Писал левой, медленно. На стене было несколько дат, номера и короткие отметки.

Услышав шаги, он оглянулся.

— Вы промокли.

— Немного.

Тая сняла пальто, повесила на крюк у входа. Поставила пирог на платформу рядом со вчерашней картой.

— Что это?

— Капуста, тесто, немного перца. Довольно безопасно.

— Я про стену.

Она обернулась. Он уже улыбался.

Тая рассмеялась и только тогда заметила, что до сих пор стояла с поднятыми плечами.

— Я тоже хотела спросить про стену.

Орен положил мел.

— Когда выход открывается, я записываю. Дату, время, как долго держался. Некоторые можно предсказать.

— Вы ждёте возле них?

— Иногда.

Она подошла ближе. У одной даты стояло два коротких штриха. У другой — слово «свет».

— А это?

— Видно улицу, но пройти нельзя. Слишком далеко от связи.

Тая долго смотрела на это слово. Потом достала тетрадь Лиды — хозяйка разрешила взять её до утра — и положила возле лампы.

— Здесь людей проще найти, — сказала она. — Адреса заказчиков. Кому шили, кому чинили. Даты последних приходов. Пока только её знакомые, но кое-что уже есть.

Орен сел рядом с платформой, взял тетрадь. Листы переворачивал за самый край, чтобы не испачкать.

— Люди не исчезли из памяти, — сказала Тая. — Их помнят соседи, родственники. Они где-то платят, что-то покупают. Можно сверять.

— Можно, — согласился он.

— Вы говорите так, будто уже пробовали.

— Я пробовал стучать. Иногда отвечали. Иногда считали, что в стене крысы.

Он не стал рассказывать дальше. И на этот раз Тая не поторопилась заполнять молчание вопросом.

Она разрешила пирог. Орен потянулся за своим куском, и его правая рука дёрнулась. Он успел убрать её, прежде чем задел нож.

— Всё ещё болит?

— Да.

— Вам принести что-нибудь? Перевязку, мазь?

— Чистую ткань. Если есть.

— Принесу сегодня, — сказала она. Дома оставался отрез небелёного полотна; хватит и на перевязку, и про запас.

Тая выложила жёлтый бланк Рады, свои записи и копию объявления.

— Завтра в девять начнут здесь. Дом одиннадцать, третий этаж. Официально — осмотр. Но Лиде говорили то же самое.

Орен прочитал номер.

Потом поднялся и подошёл к стене с меловыми отметками. Нашёл одну из них, стёр ладонью нижнюю черту и дописал рядом цифры с бланка.

— Это место уже готовят с обратной стороны, — сказал он.

Тая встала.

— Вы видели?

— Свежий узел. Сегодня днём. Я думал, выводят пустой объём, но там стоит двухстороннее крепление.

— Для осмотра такое не нужно.

— Нет.

Лампа потрескивала. За дверью хлюпала вода, поднимаясь в канале. Тая ощутила знакомое желание немедленно куда-то идти: предупредить Раду, бежать в Палату, заставить кого-нибудь снять крепление прежде, чем оно окажется занято чьим-то домом.

Но перед глазами встала катушка, расколовшаяся у кровати. Человек мог очень спешить и всё-таки сделать хуже.

Она вынула чистый лист.

— Нарисуйте, — сказала она. — Всё, что видели. Потом скажете, что понадобится, чтобы удержать проход.

— Вы собираетесь остановить перенос?

— Сначала выяснить, что они собираются переносить. Хозяйка будет дома. Я — рядом. Марта сможет сделать крепление, если мы дадим ей размеры.

Имя Марты осталось между ними. Орен смотрел на лист, не протягивая руки.

— Вы говорили с ней обо мне?

— Да.

— Она знает, что вы здесь?

— Знает, что я собираюсь с вами работать.

Тая положила карандаш на бумагу.

— Она сказала, что её сын работал с вами.

— Работал.

Он сел. Из-за движения скамьи чуть сдвинулась по полу.

— Он погиб в аварии, из которой вы не смогли выйти?

Орен кивнул.

— Я должен рассказать ей, что произошло.

— Почему не рассказали вчера?

— Она не входила в комнату. Я видел её через дверь. Не знал, хочет ли она меня видеть.

Тая вспомнила, как Марта смотрела на нарисованный им крестик возле простенка.

— Я передам, — сказала она. — Решит сама.

Он взял карандаш. Некоторое время просто держал, сжимая и разжимая пальцы. Потом начал чертить.

Тая села напротив. Бумага была достаточно большая, чтобы уместить весь проход, от стены до стены, со всеми опорами. Впервые с того утра, когда ей принесли наряд на семь марок, у неё было время подготовиться к тому, что случится дальше.

Она придвинула лампу ближе.

Глава 7. Замок без скважины

У Марты ещё работал станок.

Сквозь неплотно прикрытые ставни выбивалась полоска света. Тая постучала, переждала скрежет и постучала снова. Внутри что-то тяжело упало, раздалось недовольное «да слышу», и дверь открылась.

Марта держала в зубах шпильку. Волосы рассыпались по плечам, на переносице белела полоса там, где обычно сидели защитные очки.

— Если ещё кого-нибудь замуровали, — сказала она, вынув шпильку, — сначала скажи, живой ли.

— Пока никого. Завтра собираются.

Марта отступила, пропуская её.

В мастерской пахло нагретым железом. На верстаке лежал замок от портовых ворот, разобранный на столько частей, что Тая усомнилась, найдётся ли хоть кто-то, способный собрать его обратно. Марта бросила шпильку в ящик с мелкими пружинами. Потом долго искала её глазами и выругалась.

Тая положила на свободный край стола чертёж.

— Рада Лёс, дом одиннадцать. Завтра в девять к ней придут на осмотр. Орен видел подготовленное крепление со стороны Отвода. Двухстороннее.

Марта поднесла лампу.

— Он мерил или прикинул?

— Расстояния между гнёздами знает. Толщину стены надо проверять на месте.

— Это я и без него вижу.

Она провела ногтем вдоль нарисованной перекладины. Орен предлагал поставить наружный упор, захватывающий раму с обеих сторон. Если начнётся складка, упор не даст проходу сомкнуться, пока они будут снимать связь. Сколько именно он выдержит, предстояло рассчитывать.

— Здесь мало места для лапы, — сказала Марта. — Сорвёт вместе с обшивкой.

— Он сказал, можно разнести усилие на простенок.

— Можно. Если простенок есть.

Тая молчала. Марта ещё раз посмотрела на чертёж, затем перевернула его. На обороте Орен нарисовал второй вариант, более громоздкий, с упором в пол.

— Этот лучше. Но тащить будете вдвоём.

Она полезла под верстак и вытащила маленький портовый домкрат. Корпус был погнут, рукоять обмотана тканью. Марта крутанула винт, прислушалась.

— Резьба целая. Две трубины у меня есть. Поперечину придётся подогнать. К утру соберём, если не начнёшь рассказывать мне, как держать напильник.

Тая села на край табурета.

— Он хочет с тобой поговорить.

Марта не подняла головы.

— Сейчас?

— Когда ты захочешь. Я обещала передать.

— О чём?

Тая посмотрела на маленький кривой табурет под стеллажом. На нём лежал свёрток наждачной бумаги. Ножка всё ещё была короче остальных.

— О Лёше. Об аварии.

Марта повернула винт до конца. Потом начала выворачивать обратно. Металл скрипел равномерно, с короткой заминкой в одном и том же месте.

— Ты спросила, что он сделал?

— Спросила, работал ли Лёша с ним и погиб ли там. Он сказал — да. И что должен тебе рассказать.

— Восемь лет должен.

— Я знаю.

— Не знаешь.

Тая опустила руки на колени.

Марта оставила домкрат, сняла с гвоздя рабочую куртку. Попала рукой мимо рукава. Попробовала снова, на этот раз медленнее.

— Где он?

Они взяли чертёж, домкрат и связку железных лап. Ящик понесла Тая. Марта захватила две лампы, хотя в весовой уже была одна.

По дороге она не говорила. У края канала остановилась и посмотрела на новый мост. Сверху кто-то громко смеялся, потом по доскам прогрохотали быстрые шаги. Тая подождала.

— Лёша отсюда однажды в воду свалился, — сказала Марта. — Лет в девять. Полез доставать чужую удочку. Удочку достал, ботинок утопил. Я потом хозяину удочки три раза напоминала, что хорошо бы за ботинок заплатить.

Она пошла дальше, не дожидаясь ответа.

Орен стоял у весовой платформы. Когда женщины вошли, выпрямился и убрал со скамьи карту. Тая поставила ящик возле двери.

Марта осталась посреди комнаты. В одной руке у неё висела лампа, в другой — свёрнутый чертёж. Свет бил ей в подбородок, делая лицо незнакомым.

— Здравствуйте, — сказал Орен.

Она кивнула.

— Лёша самовольно спустился в нижнюю галерею?

Орен покачал головой.

— Нет. Я отправил его с бригадой проверить западное крепление.

Марта поставила лампу на пол.

— В заключении написано: находились в закрытой зоне без допуска.

— Допуск подписал я.

— Где он?

— Экземпляр должен был остаться в журнале смены. В диспетчерской старого узла.

— Должен был.

Орен не отвёл взгляда.

— Я не знаю, сохранился ли журнал.

Тая потянулась к двери, собираясь выйти во двор, но Марта остановила её.

— Останься. Потом я могу не всё вспомнить.

Она села на скамью. Положила чертёж рядом, расправила куртку на коленях. На это ушло некоторое время. Орен ждал стоя.

— Рассказывайте.

Он подошёл к стене с меловыми отметками, но не взял мел. Только коснулся ладонью кирпича, будто проверяя, остыл ли тот.

— После первого толчка просел северный ряд. Под ним проходили связи трёх жилых домов у плотины. Если бы ряд лёг, нижние этажи ушли бы внутрь. Мы открыли запасной отвод, но старый распределитель не переключился полностью. Нижняя галерея оставалась доступной, пока держали промежуточное положение.

Марта подняла руку.

— Не объясняйте, зачем там галерея. Я знаю. Когда вы приказали её закрыть?

— Когда давление снова пошло вверх.

— Лёша уже вышел?

— Нет.

С улицы донёсся скрип колеса. Тая заметила, что сумка у её ног опрокинулась, но не нагнулась поднять.

— Вы знали? — спросила Марта.

— Знал, что из шести вернулись четверо. Двое оставались внизу.

— Тогда почему закрыли?

Орен посмотрел на свою повреждённую руку.

— Я решил, что второй перегрузки крепления не выдержат. Отдал приказ на полный перевод.

— Они ждали сигнала.

— Да.

— Вы должны были дать второй звонок и время на подъём.

— Да.

Марта встала. Лампа у её ног качнулась, и Тая подхватила её, прежде чем та упала.

— Вы сказали им ждать и закрыли?

— Я велел дать второй звонок одновременно с переводом. Это было поздно.

Орен говорил негромко. Каждое слово было отчётливым, и от этого Тае хотелось, чтобы он хотя бы раз запнулся. Рассказал иначе. Оказался человеком, который побежал не в ту сторону, чего-то не услышал, ошибся в темноте. Но он принимал решение и понимал, кто остаётся за дверью.

— Вы могли подождать? — спросила Марта.

— Тогда я считал, что нет. Теперь не могу этого доказать. Прибор уже показывал за пределами шкалы. Я не знал, есть у нас ещё несколько секунд или нет.

— А мне написали, что он полез сам.

— Это неправда.

Марта стояла, прижав кулак к бедру. Тая видела, как белеют костяшки.

— Он умер сразу?

Орен долго молчал.

— Я нашёл его после. Не знаю, сколько прошло времени.

Марта отвернулась.

Никто не попытался её утешить. Тая поставила лампу на весовую платформу и отошла к стене. За открытой дверью лилась с крыши вода; отдельные капли попадали на камень с ровным, слишком бодрым стуком.

— Зачем вы вернулись? — спросила Марта, всё ещё стоя к Орену спиной.

— Попробовать открыть галерею с другой стороны.

— И не открыли.

— Не успел. Когда распределитель разрушился, меня оставило на перемычке. Позже я добрался до нижнего прохода. Оба были мертвы.

Она повернулась.

— Напишите это. Что отправили их вы. Что они были там по приказу. И что закрыли вы.

— Напишу.

— Всё остальное тоже. Не только ту часть, которую удобно подписать.

Орен кивнул.

Тая достала бумагу и положила на скамью. Он сел, взял карандаш левой рукой. Марта смотрела, как появляются строки. Когда он закончил, потребовала дату и полное имя.

Левая подпись вышла угловатой. Орен рядом приписал, почему не может подписаться обычным образом. Тая засвидетельствовала, что запись сделана при ней. Марта сложила лист и убрала во внутренний карман куртки.

— Это ещё не значит, что вас признают живым, — сказала она.

— Понимаю.

— Я добьюсь, чтобы Лёшу перестали называть нарушителем. Не ради вас.

— Я понимаю.

Марта посмотрела на него ещё раз. Затем наклонилась, подняла ящик и переставила к платформе.

— Показывайте вашу раму.

Тая не сразу поняла, что разговор закончился.

Марта уже раскладывала железо: две трубины, винтовой упор, короткие пластины с отверстиями. Движения стали резкими и точными. Орен развернул чертёж перед ней, оставляя между ними всю ширину платформы.

— Здесь узкая четверть, — сказал он. — Поэтому лапу надо завести...

— Вижу. Сколько дерева до кладки?

— Со стороны Отвода — около двух пальцев. С наружной не знаю.

— Узнаем утром. Сверлить насквозь хозяйка разрешит?

Тая подняла голову.

— Я спрошу. Пока она разрешила только присутствовать на осмотре.

— Тогда сверло возьмём, а на месте решите, — сказала Марта.

Они работали почти час. Тая держала детали, переписывала размеры и подавала инструмент. Орен показывал, где пойдёт нагрузка; Марта переставляла крепления, браковала лишнее, заставляла его объяснять то, что на бумаге выглядело слишком легко. Дважды он соглашался с ней сразу. В третий раз они спорили так долго, что Тая наконец попросила обоих нарисовать свои варианты рядом.

У Марты раму можно было освободить снаружи. У Орена освобождение требовало сначала снять нагрузку изнутри.

— А если вы не сможете? — спросила Тая.

Он провёл пальцем по перекладине.

— Тогда лучше не освобождать её вообще.

— Люди останутся за ней.

— Если отпустить нагруженную связь, они могут погибнуть.

— Если не отпустить, тоже.

Марта отложила напильник.

— Нужен второй винт, — сказала она. — Не сброс, а поочерёдное снятие. Чтобы с любой стороны можно было приоткрыть на один шаг и снова зажать.

Орен взял карандаш.

Тая смотрела, как он меняет чертёж. Ещё вчера его объяснения успокаивали её. Теперь она следила за карандашом, ища, откуда Марта сможет дотянуться до второго винта, если Орен не ответит.

Она не хотела переставать ему доверять. Это желание испугало её сильнее самого недоверия.

Второй винт нашёлся в ящике, но оказался коротким. Марта сказала, что заменит его в мастерской. Затем попросила у Орена груз для пробы.

Он указал на чугунные гири под платформой.

Тая и Марта вытащили две. Подняли первую цепью, подвесили к сложенной из старых брусьев раме, затянули крепления. Железо держало. Когда начали ослаблять винт, дерево хрустнуло.

Марта немедленно остановилась.

— Рано радуемся.

Она сняла груз, разобрала узел и вставила ещё одну пластину. Повторили. На этот раз нагрузка сходилась понемногу, без рывка.

— С прямым весом работает, — сказала Марта. — Что будет при тяге в сторону, ещё увидим.

— Утром проверим на месте до допуска людей, — ответил Орен.

— До допуска людей, — повторила Тая.

Он посмотрел на неё. В его лице что-то дрогнуло, но он только кивнул.

К полуночи у них был порядок действий. Сначала Тая снимает наружные размеры и проверяет, что именно собирается делать бригада. Если это действительно осмотр, они не вмешиваются. Если перенос — требуют основание и согласие хозяйки. Раму устанавливают только с её разрешения, как страховку прохода. Орен ждёт с обратной стороны. Марта остаётся у наружного винта. Решение о движении даётся словами и повторяется, чтобы никто не принял шум за сигнал.

— Если начнут без нас? — спросила Марта.

— Выводите людей из квартиры, — сказал Орен. — Не держите голыми руками. Я попробую закрыть переход в пустое положение.

— Попробуете, — повторила Тая.

— Да. Гарантировать не могу.

Она записала и это.

Марта убрала инструменты. Тая подняла ящик, но та забрала его у неё.

— Дойду. Ты ещё бумагу ему оставь.

Лист с показаниями лежал у Марты под курткой. Тая видела его прямой угол, когда та наклонилась за лампой.

У двери Марта остановилась.

— Завтра работаем. Послезавтра — посмотрим.

Орен стоял у стены.

— Хорошо.

Она ушла. Тая досчитала до десяти, слушая шаги по мокрому камню, потом достала из сумки свёрток чистой ткани. Забежала за ним в мастерскую перед тем, как идти к Марте, и теперь почти забыла.

— Вы просили.

Она положила свёрток возле лампы.

— Спасибо.

Тая застегнула сумку. Плечевой ремень выскользнул из пальцев, она поймала его, злясь на собственную неловкость.

— Почему вы сказали мне о главном узле, но не об этом?

— Вы спросили, как я оказался здесь. Я ответил на это.

— Удобно.

Орен опустил голову.

— Да.

Он не стал говорить, что собирался рассказать позднее, что у неё было недостаточно сведений или что она бы его неправильно поняла. Тая обнаружила, что ждала именно такого оправдания, чтобы стало легче сердиться.

— Если мы работаем вместе, мне недостаточно знать, где вы можете пройти, — сказала она.

— Теперь понимаю.

— Завтра вам опять может показаться, что нужно решать одному.

— Может.

Тая посмотрела на переделанную схему. Два винта, доступ с обеих сторон, возможность остановиться, не ожидая чьего-то разрешения.

— Поэтому рама будет по второму чертежу.

— По второму, — согласился он.

Снаружи давно закончился дождь. У воды лежали широкие светлые пятна, отражения мостовых фонарей. Тая дошла до середины двора и остановилась, оглянувшись на дверь весовой.

Орен сидел на скамье. Здоровой рукой разворачивал принесённую ткань, пытаясь оторвать ровную полосу. Движение получалось плохо; он начинал сначала.

Она могла бы вернуться и помочь.

Тая постояла ещё немного, затем пошла домой. Ей предстояло поспать хотя бы несколько часов. Жалость не могла решить за неё, как работать с этим человеком. Отказ от жалости — тоже.

Глава 8. Первая переправа

Рада открыла им в половине девятого.

Она была уже одета для работы, волосы убраны под белый платок. Рядом с дверью стоял мешок белья, а на столе лежали две монеты.

— Соседке заплачу, чтобы мою первую варку приняла, — объяснила она. — До десяти могу остаться. Потом хоть дом складывайте, я уйду.

Марта, втаскивавшая раму на третью площадку, остановилась.

— Лучше так не говорите.

Рада отступила, пропуская их.

Чулан оказался длинным, узким, без окна. Складная койка, ящик под ней, два крюка для верхней одежды. На стене сын Рады вырезал ножом силуэт баржи — с трубой, канатом и маленькой фигуркой на носу. Карандашную надпись рядом он тщательно соскоблил, оставив светлое пятно.

Тая провела по стене ладонью. Доски обшивки сухие, старые. В углу у пола белела свежая замазка.

Рада проследила за её взглядом.

— Это неделю назад сделали. Сказали, чтоб не дуло. Вроде меньше стало.

— Я сниму эту планку и посмотрю крепление. Можно?

— Снять снимете. Потом вернёте?

— Если её можно будет вернуть безопасно. Я покажу, что под ней.

Рада подумала и кивнула.

Пока Марта отвинчивала планку, Тая мерила проход. Два верхних угла не совпадали с чертежом Орена: стена со стороны кухни была утолщена на семь сантиметров. Под свежей обшивкой обнаружился второй косяк, узкий, из тёмного дерева.

— Они уже сделали новый проём внутри старого, — сказала Марта. — Лапы надо переставить.

Она положила раму на бок. Тая помогла удержать вес, пока Марта меняла положение поперечины. Рада стояла рядом, прижимая локти к телу.

— Что это значит?

Тая выпрямилась.

— Крепление приготовлено для переноса. На простую проверку это не похоже. Мы хотим поставить наружную опору, чтобы проход нельзя было закрыть вместе с комнатой. Для неё нужны отверстия в старом косяке.

— Я ничего переносить не разрешала.

— Знаю.

— Тогда пусть уходят.

— Скажем им, когда придут. Но подготовка есть и с другой стороны. Я не знаю, согласованы ли между собой рабочие.

Рада посмотрела на вырезанную баржу. Провела пальцем по соскобленной надписи, будто хотела вспомнить, что там было.

— Ставьте.

Марта наметила отверстия. Тая вынесла в кухню ящик, сложила койку, сняла с крюка куртку. Между досками пола нашла пуговицу и положила её на ящик, не решившись выбросить.

Рада стояла над вещами, вынесенными из собственной комнаты, и ничего не говорила.

В двадцать без девяти за дальней стеной чулана послышались два коротких удара. Тая ответила условленным третьим и присела у снятой планки.

— Орен?

— Да. Вы на месте?

— Раму ставим. У стены лишние семь сантиметров.

— Вижу наружную обвязку. Рабочие здесь были до рассвета. Сейчас никого.

Рада резко отступила.

Тая обернулась к ней.

— Наш инженер. Он проверяет с той стороны. Я говорила вчера, что мы будем не вдвоём.

— Говорили. Только я думала, он тоже в дверь войдёт.

— Я бы предпочёл, — отозвался Орен.

Рада не улыбнулась. Но подошла обратно и спросила прямо в стену:

— Вы знаете, кто мой чулан трогал?

— Видел только следы. Если узнаю — скажу.

Тая заметила, что Марта перестала сверлить и слушает. Потом дрель снова закричала.

Без пяти девять рама стояла. Её тяжёлые лапы охватывали старый косяк, ниже тянулись две распорки. По просьбе Марты Орен со своей стороны постепенно дал небольшую боковую тягу. Тая следила за зазором между лапой и деревом. Верхняя лапа села глубже; тягу сняли, Марта подтянула крепление, и при повторной пробе зазор не изменился. Винты поочерёдно ослабили и снова зажали. Только после этого Марта нанесла белые метки.

— До этой тяги проверено, — сказала она. — Дальше смотрим по дереву.

Тая записала исходное положение, проверила отвес и положила рядом часы. До прихода бригады оставалось убрать стружку. Рада принесла совок.

Бригада пришла на три минуты позже.

Старший был невысокий, с обветренным лицом и широкими ладонями. Представился мастером Сивером, развернул наряд. За его спиной стояли молодая монтажница и помощник с ящичком керамики.

Сивер увидел раму.

— Это кто поставил?

— Я, — сказала Марта.

— По чьему распоряжению?

— По моему, — ответила Рада.

Он посмотрел на неё, затем на Таин значок.

— Работы с узлом согласованы?

— К узлу не подключались. Временное крепление прохода, — сказала Тая. — Хозяйка разрешила. Покажите, пожалуйста, задание полностью.

Сивер протянул наряд. Пока Тая читала, присел у рамы, проверил крепление нижней лапы и нахмурился.

На первом листе значился осмотр. На втором — проверка готовности границ, сверка свободного объёма, установка окончательных накладок.

Последним пунктом шло: «Подтверждение освобождения после перевода».

Тая показала строку Раде.

— Какого перевода? — спросила та.

— Резервной связи, — ответил Сивер. — Чулан относится к внутреннему запасу дома. Временное пользование окончено.

— У меня пожизненный наём. Кухня и заднее помещение. Вот договор.

Она вытащила бумагу из-за пояса фартука. Край был влажный от пота.

Сивер прочитал.

— Здесь нет отводного номера.

— Потому что, когда я вселялась, никакого узла тут не было.

Он ещё раз посмотрел на собственный наряд.

Тая пододвинула к нему жёлтый бланк.

— Хозяйку уведомили об осмотре. Согласия на освобождение нет. Вы не можете записать, что она передала помещение добровольно.

Сивер поднял голову.

— Я пока ничего не записал.

— Тогда не начинайте перевод.

— Я его не начинаю. Наша группа принимает помещение после перевода. Саму связь переключают на нижнем распределителе.

Марта перестала вращать наружный винт.

Тая посмотрела на часы.

— Во сколько?

— В четверть десятого. Если нет остановки по готовности.

— Передайте остановку.

Сивер помедлил лишь секунду. Потом повернулся к помощнику:

— На нижний пост. Скажешь: наружная граница не принята, жилыцы возражают, подтверждения не даю. Бегом.

Помощник бросил ящик у двери и побежал вниз.

Рада выдохнула. Монтажница сняла перчатки и принялась убирать инструменты обратно в сумку.

Тая не успела даже подумать, что на этот раз всё обойдётся.

За стеной ударило так, что у койки в кухне раскрылись сложенные ножи.

— Начали, — сказал Орен.

Марта схватилась за рукоять.

Сивер посмотрел на часы.

— Ещё рано.

В полу чулана появилась тёмная полоса. Она побежала вверх по стене, пересекла вырезанную баржу и остановилась под потолком. Обшивка выгнулась. Воздух стал сухим, горячим, будто открыли сушильную печь.

Тая вытолкнула Раду из прохода.

— В кухню! Всем!

— Косяк держу, — сказала Марта.

Сивер шагнул к ней.

— Наружный вам, — сказала Марта, уступая ему рукоять. — За черту без команды не ходить.

Сама она перехватила винт ближе к чулану. Монтажница захлопнула дверь на лестницу. Тая подхватила журнал замеров и отступила за раму.

Внутри чулана раздался треск.

Тёмная полоса раскрылась. Между её краями появилась чужая стена, потом потолок; весь узкий чулан словно отодвинули от кухни на несколько шагов. На месте задней перегородки возник проход в длинное помещение, заваленное мешками.

Орен стоял возле новой границы. Левая рука упиралась в её край, правая была прижата к боку. Он посмотрел на раму, затем на людей в кухне.

— Кто у винтов?

— Марта и мастер Сивер, — ответила Тая. — Рама по второму чертежу.

— Наружный проход держится. Но сюда подали ещё одну ветку.

За мешками кто-то закричал.

Сивер повернулся к Тае.

— Там рабочие?

— Проверьте нижнюю тягу! — сказал Орен. — Сейчас потянет от вас.

На кухне сдвинулся стол. Рада схватила миску у края, но не удержала ложку. Та со звоном проскочила между Таей и косяком и исчезла в чужом помещении.

У Таи заложило уши.

Она присела, упёрлась в пол ладонью. Всё хотелось сделать сразу: закрыть дверь, подтащить опору, броситься на крик. Вместо этого она посмотрела на отвес. Латунный грузик тянуло к верхнему углу рамы.

— Верхняя ветка! — сказала она Орену.

Он перевёл ладонь выше. Движение стола прекратилось.

За мешками показался мужчина в нижней рубаше. Он держал перед собой стул, как оружие.

— Люди! — крикнул он. — Здесь люди!

— Видим вас, — сказала Тая. — Сколько?

— Шестеро. Соня в дальней, она не встаёт.

— Никто не идёт к проходу, пока не позовём. Слышите?

Мужчина кивнул, но не опустил стул.

Тая посмотрела на Сивера. Тот был белый до губ.

— В наряде склад, — сказал он.

— Теперь не склад, — ответила Марта. — Держите свой винт.

Монтажница достала страховочный пояс и верёвку, закрепила конец за несущую стойку кухонного проёма. Вместе с Таей проверила узел. Девушка работала быстро; ремень застегнула только со второго раза, потому что дрожали пальцы.

— Как вас зовут? — спросила Тая.

— Ася.

— Следите за слабиной. По одному будем проводить. Сначала скажу вам, потом человеку.

Ася кивнула.

Тая приблизилась к Орену. Сразу стало заметно, как нарастает тяжесть: ноги ещё слушались, а сумка на плече тянула вниз, будто в неё положили чугун. Она сняла её, передала Асе.

— Где безопасно пройти?

— По правой стене. За мешками будет обычный пол. Пока переходите, не останавливайтесь на середине.

— По правой стене, не стою на середине.

Орен коротко кивнул.

Она пошла.

Подошвы скрипели по доскам. Плечо пришлось прижать к стене, чтобы не качнуться в сторону. У самых мешков вдруг стало легче; Тая едва не упала, не успев переставить ногу. Чужой мужчина подхватил её за локоть.

— Мы стучали, — сказал он. — Со вчера стучим.

— Откуда вы?

— С Гончарной. Ночлежные комнаты при красильне. Сказали, переходом пользоваться нельзя, там ремонт. А потом двери не стало.

Он говорил торопливо, почти ей в лицо. От него пахло потом и уксусом. Тая положила ладонь на спинку стула, который он всё ещё держал.

— Поставьте. Давайте посмотрим на Соню.

Дальняя комната отделялась занавеской из мешковины. Вдоль стен стояли четыре узкие кровати; ещё две постели лежали прямо на полу. У низкого окна сидела женщина, прижимая к лицу влажную тряпку. Она дышала часто и неглубоко. Рядом на коленях стояла другая, растирала ей руки.

На подоконнике в жестяных банках рос зелёный лук.

Тая остановилась на пороге. Под одной из кроватей стоял таз с замоченной рубашкой. На спинке сушилась вторая, с аккуратно расправленным воротником.

— Соня? Меня Тая зовут. Мы вас выведем. Можете говорить?

Женщина кивнула, но вместо ответа закашлялась.

— Со вчера хуже, — сказала её соседка. — Душно стало. Мы внизу щели открывали, не помогло.

Тая не стала притворяться, что понимает больше. Попросила не поднимать Соню резко и вышла обратно к границе.

— Одна плохо дышит. Нужны носилки и лекарь. Остальные могут идти.

Рада уже развязывала ремешки полотна на вынесенной койке.

— Полотно снимем. На нём понесём.

Тая вернулась в кухню и отстегнула пояс. Ася выбежала на лестницу звать помощь. Сивер держал оба винта, пока Марта переставляла нижнюю распорку. На его лбу блестел пот.

— Наружное крепление смещается, — сказала Марта.

Тая присела у метки. Белая черта ушла на толщину ногтя. Дерево под лапой сжималось, но не раскалывалось.

— Орен?

— Вижу. Проводите лёгких первыми. И не давайте собираться у самой рамы. Вес меняет перекося.

Ася вернулась с соседом. Тая снова надела пояс и прошла к мешкам. Первой позвала женщину, растирающую Соне руки, показала ей полосу вдоль стены. Ася приняла её в кухне и сразу отвела дальше.

Следующим — пожилой мужчина в рубашке. Потом ещё двое. Один из них всё пытался взять мешок из прохода, и Тая только со второго раза поняла, что это его одежда, а не складской товар.

— Потом, — сказала она. — Сначала вы.

— Там мои сапоги.

— Я постараюсь забрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.